

Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 7

В споре с горным ветром.

Рисунок худ. А. Пиржцавского

„ЗиФ“

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ
Самоуч. Сергеева и Голубева для венск. лухор. русск. или нем. строя 11 кл. 12 бас., с приложением 20 пьес. Ц. 1 р.

НА БАЛАЛАЙКЕ
Самоуч. Илюхина. Цена 1 руб. Ильин А. Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ
Самоуч. Петрова. Ц. 1 руб.

НА ГИТАРЕ
Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 50 к.

Заказы до 5 руб. высылаются налож. плат. без задатка; свыше 5 р. — по получ. задатка. Пересылка за счет заказчика. Москва, Центр, Неглинная, 14/31.
МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА

1001 РЕЦЕПТ КУШАНИЙ

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА.

Мясной и вегетар. стол. Загот. на зиму. Наставл. для готовки на примусе. Цена 2 р. 80 к. Высыл. нал. плат. Присл. деньги вперед за пересылку не платят. Акц. О-во «ГОНЕЦ», Москва, Москворецкая, 24/11.

Немецкий ЯЗЫК

ИЗУЧАЙТЕ по самоучителю ШМЕЛЕВА, составлен. по методу МЕРТНЕРА, не требующему заучив. слов и правил. Допущен ГУС'ом. Курс 1-й (для начинающих) — 2 р. 50 к. Курс 2-й (для продолжающих) — 2 р. 50 к. Высыл. нал. плат. Присл. деньги вперед за пересылку не платят. Акц. О-во «ГОНЕЦ», Москва, Москворецкая, 24/11.

ВСЮДУ ГДЕ ИМЕЕТСЯ РАДИО-УСТАНОВКА ДОЛЖЕН БЫТЬ СПРАВОЧНИК РАДИО-ЛЮБИТЕЛЯ

— 700 —
ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ
инж. В. Н. ЛИСТОВА
— 426 стр. —
с 222 рисунками в тексте
Цена 1 р. 60 к., переплет 25 к.

СПРАВОЧНИК ВЫСЫЛАЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЛНОЙ СУММЫ СТОИМОСТИ ЕГО.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 26. 3-й МАГАЗИН Издательства „Земля и Фабрика“.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ.

НОТЫ ПОЧТОЙ

любые немедленно высыл. налож. платежом МУЗСЕКТОРА ГОСИЗДАТА
Москва, Неглинная, 14/31.

КАТАЛОГИ (фортепиано, вокальный, большой духов. орк., струнный, мас.-худож. литерат. книг по музыке)

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО

МОЖЕТ ЛЕГКО И БЫСТРО КАЖДЫЙ ИЗУЧИТЬ

СТЕНОГРАФИКУ

по руковод. Н. СОКОЛОВА
Доп. Гос. Учен. Советом.
2-е издание, с 63 упр., приложен. словаря. Высыл. налож. плат. за 2 р. 75 к.
Москва, Моховая, 22/В.
„Книга — почтой“ „САМООБРАЗОВАНИЕ“

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ПРОТЕХНИЧЕСКОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

при ВСНХ и ВСПК

имеются отделения:

- ПРОМКОоперативное
- ЛЕСОзаготовительное
- ДЕРЕВОобделочное
- По обработ. СТРОЙмат.
- По механической обработке МЕТАЛЛОВ
- ОВЧинно-МЕХовое
- КОЖевенно-ОБУВное
- ХИМико-КРАСильное
- ТРИКОтажное
- ШВЕЙНОЕ:

а) обуч. кройке и шитью по плакатам для малограмотн.
б) КУРСЫ кройки и шитья — самообслуживания
в) КУРСЫ головных уборов — (машинного и ручного)
г) КУРСЫ закройщиков — мужские и женские платья
е) КУРСЫ кружководов и ИНСТРУКТОРОВ.

ПРИЕМ КРУГЛЫЙ ГОД по окончании свидетельства

Подробный справочник мелкими марками 20 коп. Москва, Тверская, 29. 630.

НОВЫЕ САМОУЧИТЕЛИ НЕ ТРЕБУЮТ ЗНАНИЯ НОТ

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с песнями, романсами и пр. Цена 2 р. 25 к. с пер.

ДЛЯ ГАРМОНИКИ

(духор.) русск. и загранич. строя отделанный САМОУЧИТЕЛЬ с 80 муз. номер. Выс. за 2 р. 25 к. нал. плат. Москва, Моховая, 22/В. „Книга почтой“ „САМООБРАЗОВАНИЕ“

В ПОМОЩЬ ПИ-АТЕЛЮ ШКОЛА

- ФОРМАЛЬНАЯ
- ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
- СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
- ТЕХНИКА И ПУТИ ВОСПРИЯТИЯ. Понятие материала и приема в поэтике. Внутр. форм. слова, пути воспр. художеств. произв. ндр. в книге М. О. ГРИГОРЬЕВА

ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ.

60 стр., в папке. Высыл. налож. плат. за 2 р. 90 к. с пер. МОСКВА, Моховая, 22/В. „Книга почтой“ „САМООБРАЗОВАНИЕ“

КНИЖНЫМ МАГАЗИНОМ ГОСУД. ТЕХНИКУМА ПЕЧАТ „СОВЕТСКИЙ БУКНИК“

высылает налож. платежом БЫСТРО И АККУРАТНО

КНИГУ

новую или старую.

Принимаются заказы на пополнение библиотек по всем отраслям знаний. На ответы присылать 5-кп. марку. Ленинград, просп. Володарского, 55/В.

НОТЫ

любые немедленно ВЫСЫЛАЕМ налож. плат. КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО.

УЧИТЕСЬ ИГРАТЬ САМИ НА МАНДОЛИНЕ

по новейшему общедоступному САМОУЧИТЕЛЮ по нотной-цифровой системе. Составил Шварц. Цена 1 р. 48 к. с перес. НА ГАРМОНИКЕ по лучшему САМОУЧИТЕЛЮ для венской двухрядной гармоника по нотной-цифровой системе. Составил Васильев Бугдай. Ц. 2 р. 07 к. с перес. Высылаем наложенным платежом, пересылка за счет заказчика. При заказе по пяти рублей — без задатка, а свыше пяти рублей — при залатке в 25% суммы заказа.

Формулируйте организации больше сн. та. Училища школ и музтехникумов. клубам — скидка 10%.

Заказы адресовать: МОСКВА, Центр, Неглинная, 14/31. „Музыка ПТ“

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ ПО ТУРИЗМУ

по удешевленной цене!

Комплект иллюстрированного журнала путешествий и туризма в СССР и других странах

„ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ“

за 1929 г. — 11 №№ (в комплекте 385 страниц текста и масса иллюстраций) за 1 р. 10 к. Количество полных комплектов ограничено.

Высылка заказной бандеролью за счет Изд-тельства

Заказы выполняются только по получении стоимости (можно почтовыми марками).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“
Москва, Никольская, 10/2.

По заказу Акц. О-ва „МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“ В ФЕВРАЛЕ ВЫХОДИТ ТРЕТЬИМ ИЗДАНИЕМ — ПОЛНЫЙ НЕМЕЦКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, англо-русский

составленный по последнему немецкому изданию словаря ШЛОМАНА и др. солидным источникам инженером ПИФРИНЫМ.

Около 40.000 технических слов и выражений. Свыше 1000 страниц. Цена в коленкорном переплете 15 р. 25 к. Имеются также словари РУДОЛЬФ-МОССЕ. Изд. „ЗНАНИЕ“ — Берлин. Словари изд. „Советской Энциклопедии“ и др. МЕЛЕНЕВСКИЙ. Учебник английского языка для технического персонала. Цена 2 руб. 50 коп.

ЗАГРАНИЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ „БИБЛИОТЕКА ГЕШЕН“.

Всемирно известные книги по всем отраслям знания, незаменимые по своей компактности и дешевизне. Цена каждой книги 60 коп. При покупке библиотечки цена снижается. Каталог высылается бесплатно. Заказы и деньги адресовать: ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, № 53-а, Акц. О-ву „МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“.

ВЫПЛИВАНИЯ АЛЬБОМ

на 16 лист. НОВЫЕ предм. и игрушки с гравюрами и рисунками. 1. Липов. 2. Л. перес. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000. 1001. 1002. 1003. 1004. 1005. 1006. 1007. 1008. 1009. 1010. 1011. 1012. 1013. 1014. 1015. 1016. 1017. 1018. 1019. 1020. 1021. 1022. 1023. 1024. 1025. 1026. 1027. 1028. 1029. 1030. 1031. 1032. 1033. 1034. 1035. 1036. 1037. 1038. 1039. 1040. 1041. 1042. 1043. 1044. 1045. 1046. 1047. 1048. 1049. 1050. 1051. 1052. 1053. 1054. 1055. 1056. 1057. 1058. 1059. 1060. 1061. 1062. 1063. 1064. 1065. 1066. 1067. 1068. 1069. 1070. 1071. 1072. 1073. 1074. 1075. 1076. 1077. 1078. 1079. 1080. 1081. 1082. 1083. 1084. 1085. 1086. 1087. 1088. 1089. 1090. 1091. 1092. 1093. 1094. 1095. 1096. 1097. 1098. 1099. 1100. 1101. 1102. 1103. 1104. 1105. 1106. 1107. 1108. 1109. 1110. 1111. 1112. 1113. 1114. 1115. 1116. 1117. 1118. 1119. 1120. 1121. 1122. 1123. 1124. 1125. 1126. 1127. 1128. 1129. 1130. 1131. 1132. 1133. 1134. 1135. 1136. 1137. 1138. 1139. 1140. 1141. 1142. 1143. 1144. 1145. 1146. 1147. 1148. 1149. 1150. 1151. 1152. 1153. 1154. 1155. 1156. 1157. 1158. 1159. 1160. 1161. 1162. 1163. 1164. 1165. 1166. 1167. 1168. 1169. 1170. 1171. 1172. 1173. 1174. 1175. 1176. 1177. 1178. 1179. 1180. 1181. 1182. 1183. 1184. 1185. 1186. 1187. 1188. 1189. 1190. 1191. 1192. 1193. 1194. 1195. 1196. 1197. 1198. 1199. 1200. 1201. 1202. 1203. 1204. 1205. 1206. 1207. 1208. 1209. 1210. 1211. 1212. 1213. 1214. 1215. 1216. 1217. 1218. 1219. 1220. 1221. 1222. 1223. 1224. 1225. 1226. 1227. 1228. 1229. 1230. 1231. 1232. 1233. 1234. 1235. 1236. 1237. 1238. 1239. 1240. 1241. 1242. 1243. 1244. 1245. 1246. 1247. 1248. 1249. 1250. 1251. 1252. 1253. 1254. 1255. 1256. 1257. 1258. 1259. 1260. 1261. 1262. 1263. 1264. 1265. 1266. 1267. 1268. 1269. 1270. 1271. 1272. 1273. 1274. 1275. 1276. 1277. 1278. 1279. 1280. 1281. 1282. 1283. 1284. 1285. 1286. 1287. 1288. 1289. 1290. 1291. 1292. 1293. 1294. 1295. 1296. 1297. 1298. 1299. 1300. 1301. 1302. 1303. 1304. 1305. 1306. 1307. 1308. 1309. 1310. 1311. 1312. 1313. 1314. 1315. 1316. 1317. 1318. 1319. 1320. 1321. 1322. 1323. 1324. 1325. 1326. 1327. 1328. 1329. 1330. 1331. 1332. 1333. 1334. 1335. 1336. 1337. 1338. 1339. 1340. 1341. 1342. 1343. 1344. 1345. 1346. 1347. 1348. 1349. 1350. 1351. 1352. 1353. 1354. 1355. 1356. 1357. 1358. 1359. 1360. 1361. 1362. 1363. 1364. 1365. 1366. 1367. 1368. 1369. 1370. 1371. 1372. 1373. 1374. 1375. 1376. 1377. 1378. 1379. 1380. 1381. 1382. 1383. 1384. 1385. 1386. 1387. 1388. 1389. 1390. 1391. 1392. 1393. 1394. 1395. 1396. 1397. 1398. 1399. 1400. 1401. 1402. 1403. 1404. 1405. 1406. 1407. 1408. 1409. 1410. 1411. 1412. 1413. 1414. 1415. 1416. 1417. 1418. 1419. 1420. 1421. 1422. 1423. 1424. 1425. 1426. 1427. 1428. 1429. 1430. 1431. 1432. 1433. 1434. 1435. 1436. 1437. 1438. 1439. 1440. 1441. 1442. 1443. 1444. 1445. 1446. 1447. 1448. 1449. 1450. 1451. 1452. 1453. 1454. 1455. 1456. 1457. 1458. 1459. 1460. 1461. 1462. 1463. 1464. 1465. 1466. 1467. 1468. 1469. 1470. 1471. 1472. 1473. 1474. 1475. 1476. 1477. 1478. 1479. 1480. 1481. 1482. 1483. 1484. 1485. 1486. 1487. 1488. 1489. 1490. 1491. 1492. 1493. 1494. 1495. 1496. 1497. 1498. 1499. 1500. 1501. 1502. 1503. 1504. 1505. 1506. 1507. 1508. 1509. 1510. 1511. 1512. 1513. 1514. 1515. 1516. 1517. 1518. 1519. 1520. 1521. 1522. 1523. 1524. 1525. 1526. 1527. 1528. 1529. 1530. 1531. 1532. 1533. 1534. 1535. 1536. 1537. 1538. 1539. 1540. 1541. 1542. 1543. 1544. 1545. 1546. 1547. 1548. 1549. 1550. 1551. 1552. 1553. 1554. 1555. 1556. 1557. 1558. 1559. 1560. 1561. 1562. 1563. 1564. 1565. 1566. 1567. 1568. 1569. 1570. 1571. 1572. 1573. 1574. 1575. 1576. 1577. 1578. 1579. 1580. 1581. 1582. 1583. 1584. 1585. 1586. 1587. 1588. 1589. 1590. 1591. 1592. 1593. 1594. 1595. 1596. 1597. 1598. 1599. 1600. 1601. 1602. 1603. 1604. 1605. 1606. 1607. 1608. 1609. 1610. 1611. 1612. 1613. 1614. 1615. 1616. 1617. 1618. 1619. 1620. 1621. 1622. 1623. 1624. 1625. 1626. 1627. 1628. 1629. 1630. 1631. 1632. 1633. 1634. 1635. 1636. 1637. 1638. 1639. 1640. 1641. 1642. 1643. 1644. 1645. 1646. 1647. 1648. 1649. 1650. 1651. 1652. 1653. 1654. 1655. 1656. 1657. 1658. 1659. 1660. 1661. 1662. 1663. 1664. 1665. 1666. 1667. 1668. 1669. 1670. 1671. 1672. 1673. 1674. 1675. 1676. 1677. 1678. 1679. 1680. 1

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 7

3 руб. 20 коп. в год
за 36 №№ десятидневного журнала «Вокруг Света». Цена на 6 месяцев — 1 р. 65 к., на 3 месяца — 85 к., на 1 месяц — 30 к. Для заграницы на 25% дороже, цена отд. номера — 7 америк. центов. За перемену адреса — 20 к.

Редакция «ВОКРУГ СВЕТА» — Москва, Центр, Никольская, 10/2. Телефон 64-87. Подписка принимается в конторе журнала (Москва, Никольская, 10), а также во всех отделениях изд-ва «ЗИФ», в отделениях и магазинах Госиздата, повсеместно на почте и уполномоченными газетой «ГУДОК». Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-36); за строку попп. — 3 р., за страницу — 1750 руб. (сверх тарифа — госналог 10%). При многокр. печ. — скидка по соглашению.

7 руб. 50 коп. в год
за 36 №№ «Вокруг Света» с прилож. 24 книг собр. соч. Жюль Верна. На 6 м. — 4 р., на 3 мес. — 2 р. 15 к., на 1 м. — 75 к. При подписке на год рас-срочка: при подписке 3 р., к 1 мая — 2 р. 25 к., к 1 сентября — 2 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: В сахалинской тайге. Рассказ Н. Долотина. □ Голубой уголь. Роман Н. Н. Железникова. □ На лыжах по скандинавскому северу. Очерк, С. Сергеля. □ Шаман и кино. Тунгусский рассказ А. Л. Смирнова. □ Конно-лыжный спорт. Очерк Ю. Бугельского. □ Уголок филателиста. □ Всемирный калейдоскоп.

В САХАЛИНСКОЙ ТАЙГЕ

Рассказ Н. Долотина

I. Навстречу чудесам.

— Ну, вот мы и на самом краю света,— пошутил Тимофей, подбрасывая в костер веток.— Кому нравится Сахалин, прошу поднять руки.

— Ну, ладно. Ты не на собрании,— густым басом возразил Афанасий Иваненко.— Смотри лучше, кабы вода из котелка не убежала.

— Не ворчи, старик. Напьемся чаю не хуже чем дома.

«Старик» извлек кисет с табаком и свернул здоровенную цыгарку. Пока он курил, Тимофей пристально смотрел на море, просвечивающее серо-голубыми пятнами сквозь деревья. Ему просто не верилось, что он, Тимофей Кононов, комсомолец из Свердловска, совершил такое огромное путешествие. Вся Сибирь осталась позади. И вот теперь он на берегу Тихого океана, и даже не на материке, а на самом настоящем острове Сахалине.

Тимофей давно мечтал побывать на берегу Тихого океана. Эти два слова «Тихий океан» всегда вызывали в нем сердечный трепет. Целый год он откладывал деньги на дальнюю поездку, решив использовать на нее весь свой месячный отпуск. В конце мая он выехал в Хабаровск. И, конечно, все предположения и самые смелые его ожидания полностью подтвердились. За неделю пути в поезде до Хабаровска пе-

ред ним развернулась бесконечная панорама ярких впечатлений: красоты Байкала, пятьдесят два туннеля Кругобайкальской железной дороги, сопки Бурято-Монгольской республики, бесконечная тайга, живописная река Ингода. В Чите в его ва-

гон поместилась экскурсия местных железнодорожников, ехавших в Николаевск-на-Амуре. Тимофей быстро перезнакомился со всеми экскурсантами, а с одним из них даже подружился. Это был Афанасий Иваненко, добродушный и вечно ворчавший ма-

шинист, решивший «размять свои старые кости».

В Хабаровске экскурсанты перебрались на пароход, который доставил их в Николаевск. Здесь Тимофей завел знакомство, которое изменило намеченный им маршрут. Ученый-натуралист из Хабаровска Петр Яковлевич Гирс отправлялся на Сахалин для производства ботанических изысканий. Он предполагал совершить путешествие через сахалинскую тайгу. Наслушавшись его рассказов о чудесах Сахалина, Тимофей и Афанасий решили тоже туда ехать и попросили Гирса взять их с собой. Натуралист очень обрадовался неожиданно подвернувшемуся спутникам. И вот на маленьком пароходе они переправились через Татарский пролив. Капитан высадил путешественников по их просьбе у гилияцкого селения Лах, на западном побережье советского Сахалина. Теперь им предстояло идти несколько дней через тайгу, безлюдную и, по словам Гирса, почти непроходимую...

— Чай готов,— прервал размышления Тимофея Гирс, человек средних лет, с рыжей бородкой и в очках.

Советский Сахалин. Лесная пограничная стража выслеживает китайцев-спиртоносов.

Все трое достали из своих сумок охотничью колбасу, хлеб и консервы и принялись за еду.

Позавтракав, выступили в путь. День был пасмурный, как обычно на Сахалине, но теплый. Решили держать направление вглубь острова, к реке Тымь, по которой можно было проплыть значительную часть пути в туземной лодке. Снаряжение путешественников было несложно. Гирс нес за спиной оленьи шкуры, которые вполне могли заменить постель, Афанасий и Тимофей — мешочки с провизией и котелком. У Тимофея за плечами болтался еще винчестер. Шли по узкой тропинке, проложенной в хвойных зарослях.

Первый день прошел благополучно. Изредка отдыхая, путники без всяких приключений добрались до реки и остановились на ее берегу на ночлег. Развели костер, сварили в котелке чай и, утомленные переходом, крепко заснули на разостланных оленьих шкурах.

Утром Тимофей проснулся первым. Солнце ярко светило, и маленькая долина ласкала взгляд нежной зеленью. Совсем близко слышался какой-то шелест, словно град хлестал по листьям. Тимофей встал, начал осматриваться: небо голубое, безоблачное, ни малейшего ветерка. Откуда же эти странные звуки? Спустился к реке, поблескивавшей сквозь заросли ивняка, и остановился.

Вода странно бурлила и на берег выбрасывала белые продолговатые предметы, издали похожие на березовые поленья. Подойдя ближе, Тимофей протер глаза в изумлении. Огромнейшие рыбы медленно ползли плотной, словно склеенной массой. Тысячи отдельных рыб выпирали на песчаную отмель. Воды даже не было видно.

Тимофей опрометью бросился к лагерю.

— Товарищи! — закричал он в крайнем возбуждении. — Вставайте! Тут чудеса творятся!

Он растолкал крепко спавшего Афанасия. Через несколько минут они втроем рассматривали невиданное зрелище. Даже невозмутимый Афанасий был поражен.

— Кета! — тотчас определил Гирс. — Это весенний ход наиболее дорогого сорта кеты-серебрянки. Она из моря идет в реки метать икру. Обратите внимание! Каждая весит не меньше пяти-семи кило.

Путники смотрели на ход кеты как зачарованные. Кругом была невозму-

тимая тишина, и только река как будто трещала под напором несметного количества рыбы.

Тимофей спустился к отмели и голыми руками взял за жабры трепещущую на песке рыбу. Голубовато-серебряная чешуя ее сверкала на солнце как драгоценное убранство. Оглушив рыбу камнем и освежив ее, Тимофей приготовил необычайно вкусное блюдо.

II. Первые трудности.

Дальнейший путь становился все труднее. Начинался перевал через горный хребет. Невысокие склоны гор были покрыты особым видом желтого березняка и странным растением, похожим на камыш.

— Это растение не встречается нигде в мире кроме Сахалина и Курильских островов, — сказал Гирс, утирая платком вспотевшее лицо. — Это курильский бамбук. Обратите внимание.

— Еще бы не обратить внимания! — пробурчал Афанасий, с трудом переводя дух. — Сквозь эти хворостыны продираться — сам черт ногу сломит. И чем дальше — тем хуже. Растет, проклятый, стеной.

Ноги путников скользили по крутому склону, впереди ничего кроме стены густого бамбука не было видно. Тимофей оступился и схватился руками за стебли. Но они легко вырвались с корнем, и если бы Афанасий во время не схватил товарища за пояс, бедняга полетел бы вниз.

Через два часа бамбук был пройден, на смену ему пришла угрюмая, пустынная падь, заросшая вереском. Удушливый пряный запах его преследовал путников, пока они не вышли на берег неведомой речушки. Гирс время от времени сверялся с компасом, чтобы не слишком отклоняться от прямого пути.

По тропке путники направились к лесу, заманчиво темневшему в отдалении. Через полчаса они вступили под своды дремучей тайги. Ровными прямыми мачтами стояли ели и пихты, образуя над головой почти непроницаемый шатер. Сразу пахнуло сыростью, холодом. Чем дальше углублялись путники в тайгу, тем больше их поражало царившее здесь молчание. Ни птица, ни зверь, ни даже комар не нарушали томительной зловещей тишины.

— Советую вам, товарищи, набраться сил, — сказал Гирс. — Дальше идти будет куда труднее. Обратите внимание: мы идем сейчас по медвежьей тропе, которая может у ближайшего ручья оборваться.

И действительно, вскоре тропа оборвалась, и путники начали пробираться по сухому валежнику, поминутно проваливаясь и увязая в нем. Еще дальше идти стало почти невозможно. Между деревьями был навален бурелом высотой в несколько метров. Приходилось карабкаться, цепляясь за сухие колючие ветки.

— Скверное место для прогулок эта тайга, — бормотал Афанасий, перебираясь через горы бурелома.

Гирс, запыхавшись, остановился на минутку.

— В этой тайге даже медведи не живут. Заметьте, что и птиц не слышно. Типичная пустыня.

Целый день пришлось одолевать трудности таежного перехода. Попадались, правда, места, свободные от бурелома и валежника, но они были покрыты мокрым кочковатым мхом, всюду стояли лужи с черной ржавой водой. На этих невеселых «полянках» было сыро как в погребке, от луж несло плесенью. Наконец путешественники снова попали на медвежью тропу.

— Вот я не таежник, — сказал Тимофей, — а думаю, что скоро будет речка.

— Правильно, — ответил Гирс. — Вы подаете надежды, молодой человек.

III. По верхушкам деревьев.

У реки сделали привал на обед. Ели в сухоматку колбасу и консервы — последнее, что у нас оставалось из запасов.

— Теперь, я думаю, будет легче идти, — сказал Гирс, когда собрались в дальнейший путь. — По моим предположениям мы скоро войдем в полосу чернолесья.

Но их ждало еще одно серьезное испытание. Лес поредел. Потянуло свежим воздухом, теплом. Появились новые странного вида заросли.

— Чорт возьми! — выругался обычно спокойный Гирс. — Нам не везет, товарищи. Кедровый сланец.

— А это что за фрукт? — спросил Афанасий, с ненавистью вглядываясь в густые заросли.

Гирс снял с плеча шкуры и присел на землю.

— Это особый низкорослый вид кедра. Предупреждаю, что удовольствие ниже среднего.

Кедры возвышались все на два-три метра. Тонкие стволы их, перекрученные как веревки, росли так близко друг к другу, что не было ни малейшей возможности пройти между ними.

— А если их обойти? — спросил Тимофей.

— Нет, это не годится,—ответил Гирс, протирая очки.—Заросли кедрового сланца иногда тянутся на многие километры.

— А как же быть?

Гирс усмехнулся.

— Только вы не удивляйтесь и не пугайтесь. Нам придется идти по... верхушкам этих кедров.

Афанасий и Тимофей переглянулись в недоумении.

— Я не шучу,—продолжал ботаник.— Единственно возможный путь через сланец — это по вершинам.

— Вот это здорово! Что ж мы, обезьяны что ли?

— Пустяки, товарищ Афанасий. Вершины этого сланца так тесно перепутались, что даже лучей света не пропускают вниз. Взгляните-ка, Тимофей.

Тимофей пополз было под кедровник, но тотчас же вернулся, чуть не задохнувшись от душливого смрада.

— Фу! Там темно и душно как в могиле. Вот так рош!

— Неужели так-таки придется залезать наверх?—ворчал Афанасий.— Это мне, машинисту советских железных дорог, и вдруг таким поганым способом путешествовать! И во сне, кажись, такого не приснится!

Но лезть все-таки пришлось. Первым забрался наверх Тимофей, которому это приключение доставило очень большое удовольствие. Полез, крихтя и ворча, Афанасий. Гирс вскарабкался с легкостью, удивительной для его мешковатой фигуры.

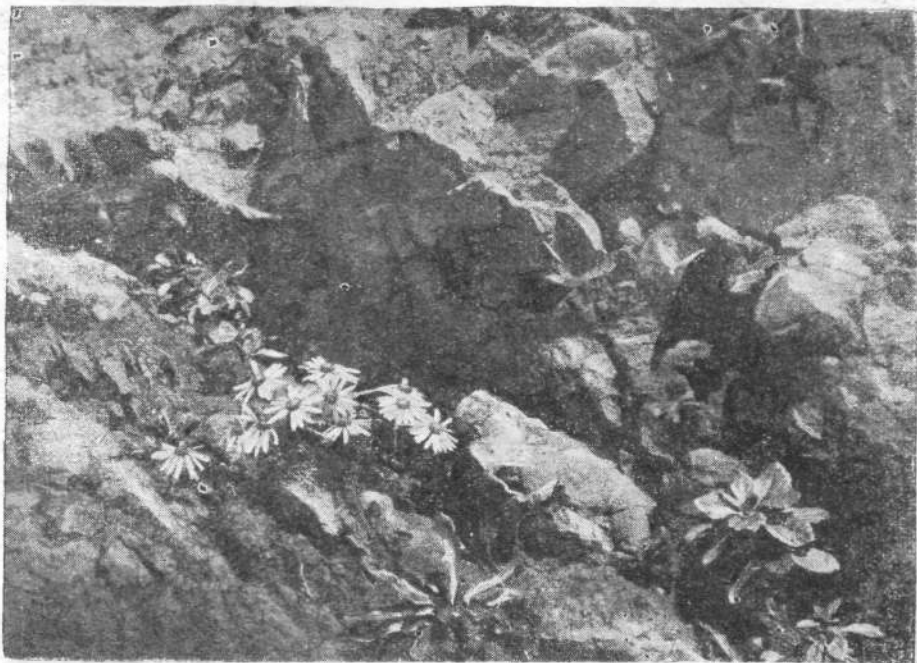
Под ногами путешественников насколько хватал глаз расстился гладкий зеленый ковер. Так и манило пробежаться по нему, как по ровному лугу. Однако первые же попытки идти по этому ковра оказались неудачными. Афанасий, мужественно шагнувший в зеленое пространство, сразу же провалился обеими ногами и беспомощно повис на руках.

— Старайтесь нащупывать ногами наиболее прочные сплетения ветвей,—поучал Гирс, помогая Афанасию вырваться из путаницы веток.

— Ну и ну!—бурчал Афанасий.— Ни в жизнь не думал шататься по деревьям. Вот дома расскажу, когда приеду,—ни за что не поверят.

Часа через два ходьбы сланец окончился. Измученные путники расположились на отдых в лиственной роще. Радость Афанасия-при виде берез и осин была безгранична.

Утро следующего дня было превосходное. Радужно сверкала роса на листьях, сквозь листву берез просвечивало ясное небо, похожее на голубой шелк. Где-то поблизости весело стрекотала сорока.

Советский Сахалин. Цветы на скалах.

IV. Сахалинские гиганты.

— Нам везет, товарищи,—сказал Гирс.—Примите во внимание, что сахалинский климат вовсе не щедр на такие хорошие деньки. На год еле-еле приходится семьдесят пять—восемьдесят дней, когда бывает приличная погода, то-есть без тумана и бури. Спешите же пользоваться столь редким явлением.

Плотно позавтракав ухой из мелкой рыбы, пойманной еще на заре в ближайшем ручейке, все трое отправились в дорогу.

Тропа пролежала между высокоствольными березами.

— Посмотрите-ка, товарищ Гирс, какие на них уродливые наросты!—воскликнул Тимофей.

Они проходили мимо огромной березы, на стволе которой выступал чудовищный нарост.

— Эти наросты — замечательное явление, любопытная особенность Сахалина,—заявил Гирс.

— Как так?

— Называются они наплывами. Иные бывают весом до сотни кило и около метра в диаметре.

— Ну, а какой от них толк?

— А вот мы сейчас посмотрим.

Гирс вынул из кармана большой складной нож и отрезал кусочек наплыва. Причудливо переплетенные слои разреза красиво переливались. На их нежном светло-коричневом фоне просвечивали пурпурные, как будто кровяные жилки и глазки. Тимофей и Афанасий прямо не верили своим глазам.

— Из наплыва сахалинцы умеют делать замечательные по красоте вещи,—продолжал натуралист.—Всякие шкатулочки, сундучки, коробочки, столики. Если его хорошенько отполировать, то почти нельзя отличить от перламутра...

Потом Гирс указал приятелям на странного вида растения, широко раскинувшие белые махровые шапки на высоте трех-четырех метров.

— Это тысячелистник. Растение травяное, а посмотрите какое грандиозное.

Тимофей опешил от изумления.

— А что это за тыквы там, между листьями?—спросил он, с любопытством рассматривая чудовищную «траву».

— Это вовсе не тыквы,—засмеялся Гирс,—а самые обыкновенные почки.

В этот момент, как бы в подтверждение слов натуралиста, одна из почек лопнула, раздался такой сильный треск, будто выстрелили из револьвера. Из нутра почки нето веером, нето веником рассыпались белые цветы.

— Вот так диковина!—воскликнул Афанасий.—Почему это на Сахалине такие чудеса водятся?

— Трудно сказать,—ответил Гирс.—Одни полагают, что на Сахалине сохранились остатки мощной тропической растительности—по их мнению здесь не особенно давно был жаркий климат. Другие объясняют своеобразие флоры чрезмерной сыростью почвы острова, огромным количеством осадков. Здесь и тополя та-

кие, каких нигде в мире не встретишь: ствол—целый метр в поперечнике.

В этот день путникам пришлось познакомиться еще с одним видом сахалинской флоры. Пройдя мимо небольшого озера, они вошли в рощицу необычайно странных растений. Зеленые стволы были толщиной в руку, а наверху раскинулись широкие, как потолок небольшой комнаты, листья.

Афанасий отнесся к этой растительности с презрением.

— Не пойму я этого Сахалина. То травы с нашу ветлу, а то какой-то чудной низкорослый лес. Стволы ру-

— А вы еще не видели крапивы,— прибавил Гирс.—Она достигает здесь прямо исполинских размеров.

Тимофей скорчил болезненную гримасу.

— Напрасно вы морщитесь,—возразил Гирс,—здешние жители, особенно айны, живущие в японской части острова, превосходно используют эту крапиву. Из ее длинных крепких волокон делают ткани и вяжут веревки, очень легкие и не намакающие в воде. А то водится еще тут в лесах гречиха, которую ученые так и называют: сахалинская гречиха. Тоже

Небо было облачно. Накрапывал дождик. Из перелесков тянулся голубоватый туман, заволакивая местность светлой вуалью. Был типичный для Сахалина июньский день.

Скоро перед путниками свинцовым сплавом сверкнула сквозь просветы в кустарниках поверхность широкой реки.

— Это Тымь. Самая большая река на советском Сахалине,— торжественно сказал Гирс.

Тимофей и Афанасий с удовольствием глядели на реку. Кончился долгий утомительный путь через угрюмую тайгу.

На берегу Тымь сделали генеральный привал. Пока Тимофей и Афанасий, лежа на траве, отдыхали, неутомимый Гирс бродил по лесу поблизости от привала. Вернувшись, он принес убитого зайца.

— Угощаю вас, товарищи,— заявил он,— жареным зайцем в честь благополучного прибытия к главной сахалинской магистрали.

Через несколько часов из-за поворота реки показались лодки, а в них нетрудно было рассмотреть туземцев.

Гирс вскочил.

— Вот это удача! Будем надеяться, что эти добрые люди подвезут нас. Мы сейчас их мобилизуем.

Все трое замахали руками, и туземцы пристали к берегу. Гирс очень обрадовался, так как они оказались орофонами, наречие которых он знал.

После недолгих переговоров орофоны согласились на условия Гирса. Вещи путников были перенесены в долбленые лодки, привязанные к кустам ракиты.

Устроившись в долбенке, Тимофей попытался завязать знакомство с одним из туземцев, очень молодым парнем. Тот весело смеялся, хотя решительно ничего не понимал из слов комсомольца.

Когда Афанасий с Гирсом уселись в другую лодку, орофоны отвязали веревки, и долбенки тронулись. Один орофон стоял на носу, другой—на корме. У обоих были длинные шесты, которыми они, упираясь в дно, отталкивались и таким образом подвигали лодки против течения.

Тымь оказалась очень бурной и капризной рекой. Несмотря на ничтожную глубину, у нее очень быстрое течение, множество перекатов и небольших порогов. В некоторых местах она так узка, что деревья с обоих берегов дружески сплетаются ветвями. Течение в таких местах особенно быстрое. Несмотря на усилии орофон продвинулся вперед, долбенки поворачивались боком, потом кормой вперед и, как салазки с

Советский Сахалин. Переправа пограничной стражи на р. Архазар.

кой сломать можно, мягкие совсем и на дерево не похожи.

— Погодите, Афанасий,— сказал Гирс.—Сейчас я вас удивлю. Приглядитесь-ка к этому «лесу». А лучше просто принюхайтесь—чем пахнет?

— Лопухом.

— Ну вот видите, это не больше-не меньше, как лопух.

Лица товарищей изобразили крайнюю степень удивления.

— Я помню,—сказал Гирс,—как один политический каторжанин, живший здесь, описывал рощу лопухов. «Лопухи сплетаются над головой,—писал он,—словно бананы. Тройка свободно бежит под ними, позвякивая колокольчиками. Сидишь в телеге, и невольно кажется, что ты превратился в Гулливера и очутился в стране великанов. Так и ждешь, что сейчас с десятиметрового листа свалится божья коровка величиной с хороший боченок, или по стволу побегут муравьи с целую собаку»...

Приятель покатились со смеху.

громадное растение—одни корневища достигают двух метров в длину.

— Так почему же не разводят эту гречиху?—спросил Тимофей.—Одного стебля было бы достаточно, чтобы прокормить человека целый месяц.

— Ученые заняты этим вопросом,—сказал Гирс.—Очень возможно, что сахалинской гречихе предстоит большое будущее...

Так беседа, мы продолжали путь.

Ночь провели в заброшенной хижине, одиноко стоящей неподалеку от тропы и построенной вероятно еще в «доброе старое время» каким-нибудь беглым каторжанином.

V. В долбенках по Тымь.

В полдень следующего дня путешественники выбрались в зеленую лесную долину. После суровой тайги она показалась им райским уголком. Здесь было множество дичи, и Тимофей застрелил двух дупелей.

гор, быстро катились назад. После долгих усилий туземцам удавалось выводить лодки на более широкие места.

Но дальше их ожидали не менее серьезные испытания. Начались перекаты. Лодки врезались в дно, усеянное галькой и крупными камнями; приходилось вылезать и тащить долбенки.

Потом прибыли в такие места, где невозможно было проплыть: на реке образовался затор из деревьев, кустов, каких-то корней.

— Это целый архипелаг, — сказал Гирс. — Видите, нанесенные деревья образовали ряд островков.

Тимофей энергично помогал туземцам прорубать заторы топором. Прошло не меньше двух часов, пока долбенки смогли проскользнуть в узкий прорубленный проход. А по обе стороны реки громоздилась дремучая молчаливая тайга. В некоторых местах могучие кедры стояли над самой водой, как хмурые наблюдатели, недовольные вторжением шумной реки в урюмой покой их долины, который они охраняли.

Небо затянулось тучами, и вскоре полил дождь. Пришлось накрываться шкурами и кожами, имевшимися у ороchon. А туземцы, неутомимые и бесстрашные, продолжали свою труд-

ную работу. Они были одеты в кожаные армяки и не обращали внимания на проливной дождь.

Через два дня тайга словно раздвинулась и из-за поворота неожиданно показалось большое село.

— Ура! — закричал Тимофей. — Наконец-то наш пароход входит в порт.

— Это село, — сказал Гирс, — центр сахалинского земледелия. Отсюда до города Александровска всего сорок километров.

По прищуренным глазам Афанасия и по тому, как он покручивал усы, было видно, что он очень доволен окончанием пути.

ГОЛУБОЙ УГОЛЬ

Роман Н. Н. Железникова

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

XII. Беспокойный союзник.

Постройка двигателя Комлинского была закончена. Механик удачно справился с самой трудной частью работы: конструированием теплососов и точной пригонкой системы мощных вентиляторов.

Все, за исключением Рюмина, оставшегося на часах, собрались в трюме для торжественной церемонии пробы машины.

Похудевший Комлинский казался сейчас особенно худым. Щеки его втянулись, запавшие глаза блестели. Когда он включал аккумуляторы, которые должны были зарядиться от работы машины, руки его дрожали.

— Ну... — сказал он хриплым голосом, — даю мотор...

Товарищи затаили дыхание. Щелкнул рубильник. Тотчас загудели вентиляторы. Тон их делался все выше. Потом что-то запело в тонкой трубке, уходившей вверх.

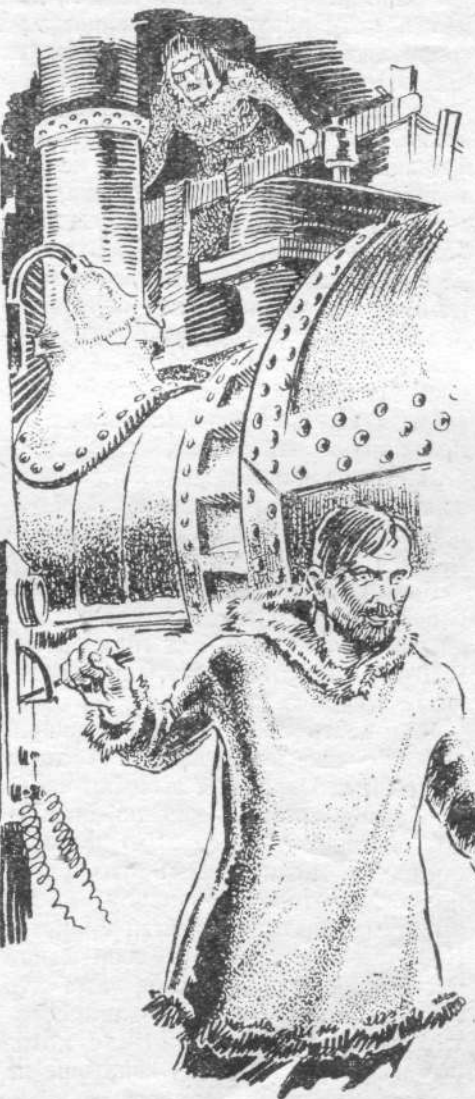
— Пошла... работает... — почти шопотом сказал Комлинский, и неожиданная улыбка растянула широкие складки на его исхудавшем лице.

Все шумно поднялись наверх. Чувствовалось, как под ногами, под старой палубой гудела машина. Около люка с решетчатой крышкой тянул вниз настойчивый ветерок.

— Действительно, сосет, — сказал Ковров.

Комлинский ничего не ответил. Его торжество было очевидно и без слов. Прошли сутки. Машина не только не останавливалась, но еще энергичнее заглатывала воздух через решетку люка. Пусковой мотор был выключен — машина, не требуя приложения добавочной силы, сама питала себя энергией.

— Вот! А еще говорят: «вечный двигатель — вещь невозможная!» Пожалуйста, смотрите! — торжествовал Комлинский.

— Пошла... работает... — почти шопотом сказал Комлинский.

Ковров уверял, что машина работает за счет теплососов, которые сводят рассеивание энергии через трение до минимума. По мнению Жукова работа шла за счет вихревых движений, развиваемых наружной стороной вентиляторов. Жуков считал, что вся суть машины именно и заключается в этих движениях. Развивая большую силу, они вращают пропеллеры вентиляторов и сполна очевидно даже еще не использованы.

Васильков утверждал, что машина работает за счет того и другого. Но уже на другой день Комлинский приуныл. Машина не испортилась, не остановилась, но... голубого угля не получалось. За два дня она не дала никакой полезной работы. Всей ее мощи хватало лишь на то, чтобы поддерживать свое собственное движение... если не считать полезным эффектом облачка метели из снега, сдуваемого с айсберга у верхнего конца отводящей трубы...

* * *

Глухое отчаяние закрадывалось в сердца пленников ледяного ущелья. Еще одна неудача! Вдобавок, работа над восстановлением радиопередатчика застыла на мертвой точке. Многого Гаврилов не мог вспомнить, а много не знал вовсе.

Через два дня после того, как был пущен в ход злосчастный «двигатель Комлинского», случилось самое удивительное из всего, что до сих пор происходило.

Гаврилов, после дежурства у дверей кубрика, бесцельно — по установившейся уже привычке — побрел в каю-

ту, где находились радиопринадлежности. Через несколько минут, с несвойственной ему быстротой и волнением, он влетел в кубрик и, задыхаясь, крикнул:

— Радиоприемник работает!..

Бросились к аппарату. Ковров схватил трубку и уловил несколько цокающих звуков азбуки Морзе.

— Передачу кончили,—сказал он, и, улыбаясь, обратился к Гаврилову: — Ну вот! А говорил, что не наладишь!..

Гаврилов хмуро ответил:

— Я и не наладил. Кто-то за меня сделал.

— Кто же? Путаешь!..

— Уж не знаю, кто. Вероятно тот же беспокойный человек, который и трубу повалил. Вчера аппарат даже не был собран, а сегодня говорит...

Бураков засмеялся. Он высказал предположение, что Гаврилов лунатик и под свет прожекторов, который принял за луну, ночью сделал приемник, а потом забыл об этом как и полагается в таких случаях.

— Хоть в моей врачебной практике лунатики не встречались, но я о них слышал,—добавил он.

— И все, что слышал, такой же вздор, как то, что сказал,—вмешался Комлинский. — Луна здесь не при чем. А вы всегда челуху гордите.

Далее Комлинский, из'явив намерение окончательно «разоблачить» Буракова, собрался приводить несомненные доказательства виновности его во всех проделках, которые приписывались «врагу из темноты».

— Брось глупости! Ну и чудак! Неугомонный! — закричал Алфеев.

Все так дружно стали стыдить Комлинского, что он совсем растерялся.

— А знаете, что вы все упустили из вида? — улыбаясь, спросил Васильков. — Ведь теперь обитатель айсберга показал нам, что он перестал быть врагом. Очевидно он все же пришел наконец к заключению, что ему выгоднее вступить с нами в союз, чем оставаться во враждебных отношениях. Что ж, и нам это выгоднее!

Васильков не ошибся.

«Враг из темноты» действительно исчез — по крайней мере он перестал проявлять себя врагом. Вдобавок темнота, державшаяся четыре месяца, стала понемногу уступать место весенним сумеркам. «Врагу из темноты» дали теперь новое прозвище: «обитатель айсберга». Это звучало гораздо спокойнее.

Зимние страхи исчезали вместе с отступающим мраком. Январь под-

ходил к концу. С каждым днем все дольше держались и все более светлели сумерки. Солнце бродило где-то близко за линией горизонта. И чем выше к зениту поднимался свет, тем бодрее становились пленники ледяного ущелья.

Действующий радиоприемник тоже много способствовал поднятию настроения. Передатчик наладить так и не удалось, но радиоприемник работал, и какая-то ниточка связывала друзей с населенным миром. Установили некоторое подобие громкоговорящего. Очень редко удавалось поймать передачу. Но когда «громкоговорятель» хриплым шопотом сообщал телеграммы ТАСС или преподносил измятый его шипящей глоткой концерт из Сибири—это был праздник.

Раз удалось поймать передачу из Норвегии, два раза из Америки. Однажды прослушали пессимистический отчет отправленной на их поиски спасательной экспедиции. При этом пленники ледяного ущелья мало были огорчены заключением доклада, хотя в этом заключении высказывалось довольно обоснованное предположение об их гибели. И велико было огорчение членов экспедиции, когда радио неожиданно — и, повидимому, окончательно — испортилось. Несмотря на все усилия, наладить его снова так и не удалось. Гаврилов уверял, что и «обитатель айсберга» как будто пытался исправить приемник, но также безуспешно. Однако в это время общее внимание привлекло нечто более важное — солнце. Ожидание близкого восхода солнца создавало какое-то праздничное настроение.

Наконец пришел день, когда после долгого перерыва сделали вылазку наверх для встречи долгожданного гостя.

Была середина февраля. Жуков заранее высчитал, когда солнце должно впервые показаться над горизонтом. К этому дню готовились, как к большому событию.

Подымаясь по лестнице, пленники ледяного ущелья легко могли стать жертвой неожиданной выходки «обитателя айсберга». Возможно, он прекратил свою вредительскую деятельность, но гарантировать это никто не мог. Поэтому все возможные меры предосторожности были приняты. Не последнее место в вооружении экспедиции, подымавшейся встречать солнце, занимали всевозможные осветительные принадлежности, с которыми солнечный свет пока еще не мог конкурировать. Внизу часовой — Деревяшкин — с винтовкой наготове стоял около самого сильного прожек-

тора, который освещал верхние ступени висящей лестницы. Подымавшиеся тоже несли с собой фонари самой разнообразной конструкции. Круги и полосы света, чередующиеся с темными промежутками, извиваясь, липли к ледяной стене и медленно вползали наверх.

«Как змея!» — подумал Деревяшкин.

Действительно, вся эта процессия могла вызвать представление об огромной, светящейся блестящими поперечными полосами, змее.

Наверху фонари потушили. Молча ждали солнца.

На горизонте, над обледенелым морем все больше светлело. Казалось где-то внизу раздували горн. Расплавленным металлом брызнули вверх блестящие струи. Потом медленно вполз край солнечного диска.

— Ур-ра!.. Взошло!..

Не успели смолкнуть приветственные крики, как солнце, точно испугавшись, снова исчезло.

— Ну, теперь ежедневно будет выглядывать все смелее. А потом и вовсе на небе застрянет, — сказал Жуков.

Двигатель Комлинского неустанно гудел, подымая облачко снежной пыли; сам Комлинский тоже неустанно возился около своей машины, что-то подстраивая и переделывая. Механик был убежден, что добьется получения «голубого угля». И действительно, понемногу сила ветра около люка незаметно, но непрерывно нарастала. В один счастливый день Комлинский с торжеством сообщил, что за последние трое суток двигатель зарядил один аккумулятор. Ковров осторожно высказал сомнение в том, что это является результатом работы самой машины, а не мускульной силы Комлинского, добавленной к ее «пустопорожней работе». И действительно — не прошло и нескольких дней, как машина, словно утомившись, постепенно перестала давать даже то ничтожное количество полезной работы, какое она — повидимому, случайно — давала в течение трех суток.

Это счастливое время послужило как будто достаточным утешением для механика. Но если сам он находил еще возможным надеяться, что его широкие планы удастся осуществить, то остальные давно уже растались с надеждой выбраться из ледяного ущелья на замороженном пароходе. Поэтому все внимание было направлено теперь на возобновленную работу по устройству бреша, через которую можно было бы вывезти лодку.

Пользуясь, как и при расчистке палубы, водой, взрывали лед большими глыбами, которые потом скатывали под уклон и отвозили на санях в сторону.

На вторую ночь после церемонии встречи солнца «обитатель айсберга» снова дал о себе знать — и опять самым необыкновенным образом. Среди ночи, когда все спали, раздался такой грохот, точно по айсбергу дали залп из нескольких морских орудий.

На этот раз паники в кубрике не получилось, но переполох был достаточный. Кто-то даже крикнул, что рушится айсберг. Выбежали на палубу, навели прожектора в направлении грохота. Выяснилось, что небольшой кусок айсберга действительно обрушился.

— Нет, он положительно мне все больше нравится, этот чудакватый обитатель айсберга! — воскликнул Бураков. — Уверяю вас: он помогает нам, и притом сознательно. Смотрите — он сплеча крушит сверху ту же стену, которую мы долбим помаленьку снизу.

— А ведь верно, — согласился Жуков. — И знаете? Пожалуй нам следовало бы действовать по его примеру. Сверху дело пойдет скорее: не надо оттаскивать лед — раз, и при падении отломанные глыбы продолжают сами колоть ледяную стену дальше — два.

— Ну что?.. Теперь уж не скажешь, что это моя работа? — добродушно спросил Бураков Комлинского, с величайшим изумлением глядевшего на освещенную прожектором выемку вверху айсберга.

— Д-да!.. Ты бы не сумел так, пожалуй. Да и ленив на это, — согласился Комлинский. Помолчав, он добавил: — Извини. Я был неправ, дурость такая нашла.

На следующую ночь повторилась та же история.

— Вот тоже союзника себе накликали! — раздраженно сказал Алфеев. — Экая дубина, — добавил он, понизив голос, точно опасаясь, что «обитатель айсберга» услышит его неодобрительный отзыв, — отдохнуть спокойно не даст.

— Дубина, — согласился Бураков, и крикнул: — Эй, ты, приятель, как тебя там звать! Ты что же это? Совсем нам спать не хочешь давать? Работай себе на здоровье, как все порядочные люди, днем.

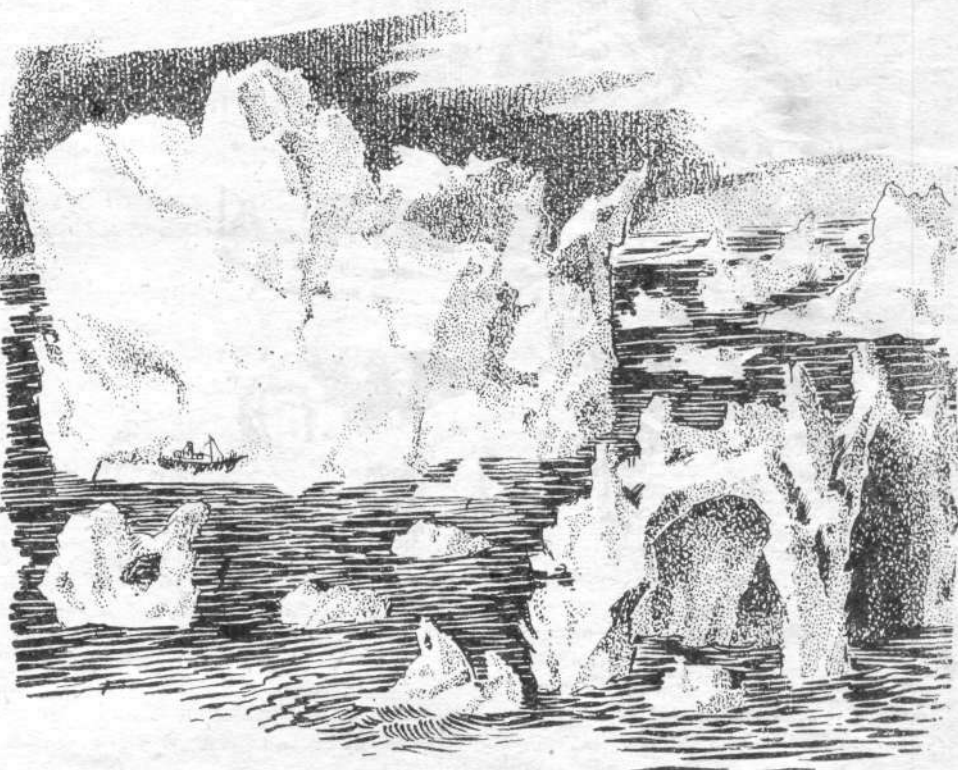
— Да и ты не умнее его, — рассердился Деревяшкин. — Не в том главная беда, что он нас будит. Он нашу работу срывает. Ведь если мы будем снизу лед буравить, а он будет об-

валы устраивать — на нас, неровен час, и рухнет что-нибудь.

— Деревяшкин прав, — согласился Жуков. — Если этот «обитатель» будет продолжать в том же духе, нам ничего не останется, как присоединиться к его способу и грызть лед сверху.

— Может быть он делает нам тонкие намеки, что наш метод ему не нравится? — высказал предположение Ковров.

— Ничего себе, легонькие намеки, — проворчал Алфеев. — Хорошо еще, что он валит лед в море, а не к нам.

Над всем главенствовал гигантский айсберг, несший на себе законсервированный пароход.

Обитатель айсберга обладал редким упорством. В следующую ночь шумный «намеки» был повторен «с аккуратностью, достойной лучшего применения», как выразился Гаврилов.

Пришлось уступить определенно выраженному желанию беспокойного союзника, так как ничего другого не оставалось. На следующий день стали выламывать лед сверху. Здесь действительно работа пошла очень споро. Без особого труда удавалось взрывать огромные глыбы льда, заодно сбрасывая их вниз.

«Обитатель айсберга» видимо был удовлетворен тем, что его указания приняли к сведению. Во всяком случае свою ночную работу он прекратил.

Больше двух месяцев прошло без особых событий.

XIII. Под дневной свет.

Солнце, осторожно выглядывая из-за льдов, изо дня в день смелело, показывая все большую часть диска. В одно прекрасное утро оно вышло целиком. День стал чередоваться с ночью, все более и более урезая ее время. В конце апреля ночь была окончательно вытеснена. Солнце перестало скрываться. В течение первой половины суток оно описывало верхнюю дугу своего пути, в течение второй половины — нижнюю, чуть не касаясь линии горизонта.

Однако солнечных дней в апреле было очень мало. Наплывали туманы,

и ничего не было видно сквозь густую беловатую муть. В ущелье туман поселился прочно. Он задерживался там, уплотнялся и казался вытеснял воздух, затрудняя дыхание; забивался во все щели, на все наращивая пухлые слои инея. Сверху же опускались все новые и новые массы тумана, точно кто-то, повидимому без усталости, сгружал огромные транспорты мокрой ваты.

Туман, конечно, не останавливал работы. Она даже подвигалась быстрее: лед сделался податливее и легко колелся большими глыбами.

Работа подходила к концу. В ледяной стене айсберга были прорублены длинные узкие ворота. Расширив их и расчистив путь, можно было бы протаскать лодку. Но тут возникли сомнения относительно того, когда пуститься в дорогу.

Ожидать, когда вскрыется лед, было опасно — Жуков предупредил, что это может наступить очень поздно, и даже не исключена возможность, что вблизи острова, на всем видимом пространстве, лед вовсе не вскрыется. Непрерывный день будет продол-

бystрое движение по неровной поверхности льда все равно было бы невозможно.

Однако Комлинскому закончить пропеллер так и не удалось, да это и не понадобилось. Вопрос о дальнейших шагах разрешился сам собой и совсем не так, как предполагали.

Произошло это в середине мая, за несколько дней до срока, намеченного к отъезду.

Уже два дня свирепствовала арктическая буря. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти за «ворота» айсберга и посмотреть, как она хозяйничает там, в беспредельных просторах ледяной пустыни. Без крайней нужды никто

поколебимой горой, временами вздрагивал.

На третий день неистовство бури еще более возросло. Теперь в ее распоряжении было больше ледяных снарядов. Взломав ледяные поля, она раскачивала и швыряла во все стороны ледяные горы.

В кубрике разговаривали мало: надо было кричать в самое ухо. Но все были довольны. Никто не сомневался, что айсберг не выдаст, и, точно сговорившись, товарищи кричали один другому:

— Спасибо буре!.. Взломала лед!.. Утихнет — поедем!..

* * *

Неожиданный рывок!.. Сотрясение!..

Обрушился айсберг? Из-под ног мгновенно выскочил пол и превратился в стену, которая заменила пол. В следующее мгновение с такой же быстротой все переключались на противоположную стену, где было дверь. Задняя стена ровно на секунду превратилась в потолок. Наконец все снова упали на настоящий пол. После этого пляска стен стала менее порывистой.

Не могло быть сомнений в том, что произошло. Айсберг не обрушился. Он плыл!

После первой встряски кубрик стал описывать широкие вращательные движения. Так продолжалось долго, несколько часов. Вначале эти плавные размахи сопровождалась покачиваниями, которые встряхивали людей, как грибы в лукошке.

К ночи качка стала совсем незначительной, хотя буря ревела почти с прежней силой. Очевидно айсберг вновь обрел полное равновесие, а волны не могли раскачивать такую громаду. Ночью ветер и гул стихли.

Утром вышли из кубрика. Айсберг, раздвигая и ломая встречные льды, отталкивая другие ледяные горы, казавшиеся рядом с ним пигмеями, величественно и медленно плыл на юг. Вокруг до самого горизонта громоздились плавающие льды самых разнообразных размеров и форм — огромные ледяные поля в десятки квадратных километров, нагромождения льдов, напоминавшие полуразрушенные города, грузные ледяные горы с лохматыми снеговыми шапками на остроконечных вершинах. Особенно красив был айсберг, плывший недалеко впереди. Казалось, что над ним основательно поработали человеческие руки. По фронту его выстроился ряд стройных колонн, а основание уходило в воду четырьмя

Через минуту на палубе появился Марин.

жаться четыре месяца, до конца августа, потом снова наступит зима. Самые лучшие месяцы для плавания — июль и август, но тронуться в путь надо раньше: в июне или даже в мае, так как за два месяца на лодке далеко не уйдешь.

Наметив план, решили выступить в конце мая. Нагрузив лодку всем необходимым и поставив ее на полозья, идти до тех пор, пока не встретится вода.

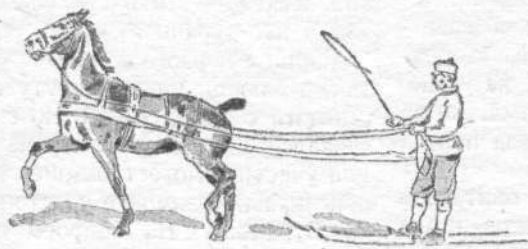
Комлинский, который уже примирился с мыслью, что ему придется расстаться со своим двигателем и по возвращении домой опыты начать сызнова, взялся сконструировать приспособление, которое сделает лодку аэросанями и глассером одновременно. Для этого требовалось снабдить лодку пропеллером. Мотор имелся. Правда, пропеллер на льду будет давать очень небольшое поступательное движение, может быть не даст никакого, но облегчит труд людям, которые потащут лодку. А это было как раз то, что нужно: ведь

даже не выглядывал на палубу. Некоторое представление о неистовстве шторма можно было получить по нестерпимому вою и грохоту, раздравшим и дробившим воздух даже здесь, в кубрике.

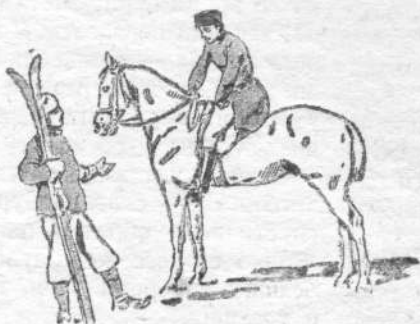
Буря, нарастая, ревела все яростнее, точно ее раздражало и приводило в бешенство грузное сопротивление тяжелых льдов, не поддававшихся сразу попыткам взломать застывшие покровы океана. Буря прессовала миллионы тонн воздуха, обрушивала их с непереносимым ревом на ледяные горы, крушила, дробила пневматическими снарядами лед, приводила в мощное движение десятки миллионов тонн льда, сдвигая льдины с льдинами, воздух с водой, ледяную пыль с воздухом. Все под напором бури превращалось в ее оружие, все взрывалось, взлетало вверх. Буря густо замесила в воздухе тяжелую смесь водяной и ледяной пыли. Эта смесь врывалась в «ворота» ущелья, наваливалась на обледелый пароход. Даже айсберг, казавшийся ранее не-

КОННО-ЛЫЖНЫЙ СПОРТ

(См. очерк на стр. 110)

ВЫЕЗД НА СТАРТ.

ОБСУЖДЕНИЕ МАРШРУТА.

ПОШАИ!

КОНЬ ЗАБАСТОВАЛ.

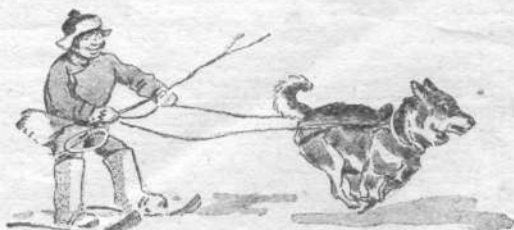
НА ПОВОРОТЕ

ПОЛНЫЙ ХОД ВПЕРЕД.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ СУГРОБ.

ЧЕМ МЫ ХУЖЕ?

быками, между которыми высоко изогнулись три арки. Вода под арками пеннелась и бурлила, там проплывали, торопясь и толкаясь, мелкие льдины — точно под мостом на реке во время ледохода. Но над всем главенствовал гигантский айсберг, несший на себе замороженный пароход и кучку случайно заброшенных на него людей.

Жуков обратил общее внимание на то, что осадка парохода стала глубже. Теперь киль его возвышался над водой всего лишь на какой-нибудь метр-полтора.

Со всех сторон посыпались разнообразные вопросы, и Жукову пришлось провести целую беседу об айсбергах. Он рассказал, как они «рождаются» от ледника, сползающего в море. Напором вода отламывает время от времени отдельные куски от ледяной реки. Такой кусок — новорожденный айсберг, — выскакивая на поверхность, производит целую бурю. Перевертываясь и снова ныряя в поисках устойчивого положения, он попутно крушит и ломает все, что попадется.

Айсберги бродят по морским течениям, попадают и в Атлантический, и в Тихий океаны. Встреча с ними опасна. Подводная часть айсберга больше надводной, и пароход легко может наскочить на ледяную мель и получить пробоину. Кроме того айсберги, погулявшие в теплых течениях или под солнцем, понемногу разрушаются. Малейший толчок может вызвать два одинаково плачевных последствия: ледяная гора либо переменит центр тяжести и перекувыркнется, либо рассыпется на мелкие части.

Ледники образуются на тех местах суши, где есть сравнительно небольшие возвышенности; так, под 80° северной широты достаточно для этого полукилометра высоты. Шпицберген, горы которого достигают 1400 метров, Земля Франца Иосифа и Новая Земля в достаточной степени покрыты ледниками. Но самые мощные ледники покрывают обширную Гренландию. По вычислениям доктора Гесса Гренландию покрывают 320 000 кубических километров льда.

Иногда айсберг пристаёт к берегу и на одном месте может прожить годы, а то и целые века. При этом он растёт, накапливая снег, то-есть в миниатюре повторяет процесс образования ледников.

Не всегда встреча с айсбергом для судна нежелательна. Иногда — особенно во время бури — она бывает спасительной, так как под его защитой можно отстояться во время волнения.

* * *

Для того, чтобы взобраться по лестнице Комлинского на вершину айсберга, пришлось потрудиться дня три. Лестница была сильно попорчена во время бури: местами обледелена, местами порвалась. Когда взобрались наверх — земли нигде не увидели. Впереди льды редели, а за ними у самого горизонта чернела полоса чистой воды.

— А куда же девался обитатель айсберга? — сказал Бураков, когда спустились обратно на палубу. — Жалко его все же. Сдуло, вероятно, беднягу во время бури, или остался в ущельи...

Действительно, после бури, оторвавшей айсберг от ледяного фиорда, о таинственном «обитателе» ничего не было слышно. Да и трудно было предположить, чтобы в такую бурю человек мог удержаться на ледяной горе. Но как раз в тот момент, когда высказывались предположения о гибели «обитателя», он соизволил лично пожаловать на палубу. О своём приходе он возвестил хриплыми окриками — одновременно и грубыми и слащавыми.

— Ошибаетесь, братики-голубчики! — донесся сверху голос... Марина. — Я в полном здравьице, ручку только повредил немного. Да, да! Зря раскудахтались! Ну, да! Это я! Чего рты разинули? Болваны! Видите, мне трудно спускаться с мешком — рука болит. Разойдитесь, а то мешком прихлопну.

Действительно, на палубу хлопнулся дорожный мешок с вещами. А через минуту в кругу изумленных пленников айсберга появился Марин, весь обросший, в истрепанной меховой одежде. Еще спускаясь по лестнице, он успел лицемерно похвалить и злобно обругать всех вместе и каждого порознь.

— Один только из вас умный человек — Васильков, да и тот шляпа!.. Бураков — приличный парень: я слышал, он за меня заступался. Но и Бураков, извините, дурак...

Этим Марин заключил свои «приветствия». Потом отшвырнул в сторону странный длинный прут, которым размахивал над головой, и заявил ворчливо:

— Ну, ведите меня в каюту. Почеловечески выплусь. Да не вздумайте меня бить! Я и сонный в обиду не дам. Чуть что — убью первую же гадину!..

Несколько секунд после его ухода все молчали.

— Д-да... штучка! — пожал плечами Деревяшкин.

— Так вот чем он у нас разную мелочишку удил, — проронил Алфеев, рассматривая брошенный Мариным прут. Прут оказался самой настоящей удочкой с крючком на длинной леске. — Хоть сумасшедший, а ловко нас дурачил.

Марин с первого же дня повел себя так, точно он ни на минуту не считался с коллективом. Ни с кем не считался, в работах почти не принимал участия. Повествованием о своей оригинальной зимовке удостоил только Буракова. На вопросы отвечал грубыми шутками, сложными елейно-ехидными речами или площадной бранью. Он легко впадал в гнев, а если не сердился, то замысловато издевался над собеседником. Удовлетворять естественное любопытство товарищей пришлось Василькову и Буракову.

Еще зимой, когда «враг из темноты» стал выкидывать свои фокусы, Васильков пришел к убеждению, что такие вещи может проделывать только человек. А когда обнаружилось, что этот человек непомерно злобен, с успехом подслушивает разговоры команды (следовательно, понимает по-русски), знает распорядки лагеря, особенно враждебно относится к работе над постройкой двигателя Комлинского — у Василькова уже не оставалось сомнений в том, с кем именно они имеют дело.

После нескольких месяцев молчания Марин видимо рад был случаю поговорить. Вот что он рассказал Буракову.

Первоначально он действительно хотел сделать попытку уйти одному. Ему доставляло большое удовольствие наблюдать, как его искали, и тогда же его осенила мысль инсценировать свою гибель. Удачное завершение этого замысла доставило Марину большое наслаждение. Он принялся копить запасы для одинокой зимовки. Делая вылазки в ущелье для пополнения запасов, он неизменно находился в условиях более выгодных, чем его жертвы: все видел из темноты и знал соотношение сил; в то же время товарищи его не видели и не могли догадаться кто враг. Иногда Марин забавлялся тем, что удил с лестницы или с трубы парохода то, что ему нужно было или попросту попадалось на крючок. Благодаря темноте и страху своих жертв, он был неуловим, непонятен, страшен — это доставляло ему удовольствие, веселило его. Из этого он делал игру — и одновременно извлекал из этой игры выгоду для себя.

Марин не постеснялся высказать Буракову и такие свои соображения:

он все надеялся, что при розысках экспедиции какой-нибудь аэроплан пролетит над их лагерем. С аэроплана не заметят лагеря в ущельи, поэтому надо дежурить наверху. То, что он один наверху — даже лучше. Одного на аэроплан возьмут непременно, а всех — нет. Отсюда злобный ум Марина логически пришел к мысли уничтожить всех товарищей. Одну из этих попыток Васильков в свое время разгадал, и она помогла ему тогда до некоторой степени разоблачить «варага из темноты».

(Окончание в следующем номере)

Еще зимой Марин, боясь быть подстреленным, пришел к заключению, что ему выгоднее прекратить враждебные действия против товарищей.

Всю зиму Марин прожил в одной из глубоких, хорошо укрытых пещер наверху айсберга. Пещеру утеплил тюленьими шкурами и полотнищами, выкраденными из кладовой.

Своих соображений о Марине Васильков никому не высказывал потому, что это могло вызвать еще большее смятение, тем более, что неоспоримых доказательств у него не было.

Раздвигая зеленое хвойное море, мимо дремавших под снегом елей и сосен прихотливо вилась дорога, взбираясь на крутые холмы, сбегая в заросшие ивой овражки, врезаюсь в лесную чащу и выбегая снова на открытый берег реки. Дорога манила вперед и вперед, исчезая в поворотах, теряясь в синих далях, открывавшихся иногда перед глазами, обещая за ними что-то новое и свежее. Окрыленные надеждой, лыжи легче неслись к поворотам и далям, и ритмичное «ш-ш, ш-ш» волной катилось меж зеленых стен.

Однако случались и неувязки в нашем трио. Когда приходилось подниматься на очень крутой холм — лыжи и мешок начинали пятиться назад, и большого труда стоило заставить их двигаться вперед. Напряженное положение создавалось и при спусках со значительных высот. Здесь лыжи совершенно выходили из повиновения и очертя голову устремлялись вниз. Мешок нажимал в ту же сторону, и я слышал лишь свист снега под собой и гудение ветра в ушах. Смутно улавливалось мелькание леса по сторонам, исчезал овражек с ивами, я начинал вдруг скользить куда-то вверх, и через несколько мгновений приходил в себя на половине склона следующего холма.

Иногда же я приходил в себя и несколько раньше. Вот я мчусь с холма, слегка выдвинув вперед правую ногу и напряженно удерживая равновесие под тяжелым мешком. Все быстрее проносятся назад снежные бугры, сосны, ели, и ветер в ушах, как ту же и ту же натягиваемая стру-

НА ЛЫЖАХ ПО СКАНДИНАВСКОМУ СЕВЕРУ

Очерк С. Сергеля

Рис. худ. В. Шеглова

От редакции. Очерк представляет собою законченный отрывок из книги под тем же названием, выпускаемой отдельным изданием. Автор, собирая этнографические коллекции среди лопарей Норвегии, на крайнем севере Финмаркена, закончил экспедицию в районе Порсангерфиорда, на побережье Ледовитого моря. Отсюда пароходом он добрался до селения Алтэн, пересек на оленях Финмаркен и сделал остановку у селения Муонииониска в северной Финляндии. Дальнейший путь, описанный в настоящем очерке, автор проделал на лыжах.

Тихим и сереньким утром я отправился в путь. Нас было трое — я, лыжи и вещевой мешок с необходимыми вещами. Легкие лыжи и тяжелый мешок были решительно противоположны по своим стремлениям. Первые неудержимо рвались вперед, второй так же неудержимо и непрерывно старался сесть на дорогу и никуда не двигаться. Мне пришлось быть в роли «золотой середины» — умерять пыл лыж и увлекать с собой мешок. Лыжам я не давал уходить,

подводя под их ремни финляндские башмаки с загнутыми назад острыми носками, мешку же предоставил возможность удобно лечь на мою спину, и он с полным доверием обхватил мои плечи своими ремненными руками. В конце концов мы недурно спелись. Размеренно-посменно выкидывались вперед правый и левый башмаки с послушными лыжами, им справа и слева помогали бодро шагавшие палки, мешок держался крепко, и наше трио скользило быстро и дружно

Мы мчались, приседая и балансируя на ухабах и поворотах.

на, гудит с каждым мгновением резче и выше. Вот я уже плохо вижу, слышу и держусь одним мышечным напряжением. И вдруг — толчок! Я лечу в сторону, на сугроб. Мешок все глубже и глубже погружает меня в снег. Сначала он давит сверху, потом, перевернув меня и очутившись внизу, увлекает за собою в бездонную снежную пучину. И, скрываясь в снегу, я вижу с тоскою, как одна лыжина, освободившись от башмака, змейкой молниеносно скользит дальше, вздрагивая и колеблясь на неровностях и поворотах.

Кое-как выбираюсь на дорогу и с оставшейся лыжиной спускаюсь вниз, потирая занывшие бока и плечи. Но на следующем спуске я снова отдаюсь волшебному полету и слушаю музыку ветра в ушах и любуюсь, как головокружительно несутся мимо темно-зеленые леса — пока коварный ухаб не вышвыривает нас троих в любезно принимающий сугроб.

В сумерках мой бег был остановлен сверкнувшими из-за сосен огнями окон постоялого двора.

* * *

Отправляясь утром в дальнейший путь, я почувствовал, что у меня имеются шея, плечи, руки, поясница, ноги. При каждом движении они давали о себе знать сильною болью. Вместе с тем мешок по ощущению оказался значительно тяжелее вчерашнего, хотя из него убывла часть провизии. Мешечные ремни напоминали режущее тело ножи. Права норвежская поговорка: «легко поднять, да трудно тащить». Впрочем — все это лишь вначале. Стоило, как говорится, плюнуть на эти болевые ощущения и перестать к ним прислушиваться, как они теряли остроту и наконец совсем исчезли. Правда, они всплывали на поверхность сознания во время остановок, но эти вспышки с каждым разом явственно слабели. Клин вышибался клином.

По пути со мною и подталкивая меня, мчался к югу ветер. За ним струились над лесом волнистые облака, за облаками из всех сил тянулся лес. Он простирал вдолгонку мохнатые руки, негодующе качал островерхими головами, покрывал все грозным шумом и иногда стонущим скрипел. Но лесу не оторваться от цепко держащей его земли, и лес в злости бросал к облакам комья снега со своих рук. Комья тотчас подхватывал ветер и, играючи, кружился над хмурыми елями, пока они не рассеивались белыми дымками. Ветер забавлял и потешал меня. Он взрывал

клубы снега, гонял их от одного края дороги к другому, игриво заставлял описывать затейливые фигуры, увлекал снежные вихри вперед.

Белая метель разгулялась на славу, и ее стихийное веселье было любопытно. Хотелось самому нестись за ветром, спорить со снежными вихрями в скорости и перекричать буйный гомон леса. И лыжи ходчей скользили по дороге, и палки отмеривали гигантские шаги.

День за днем путь оживлялся. Сокращались расстояния между селениями, и селения становились многочисленнее. Чаше разносился по дороге скрип обозов: в одну сторону лились дары севера — оленина, рыба, пушнина деготь, — в другую дары юга — мануфактура, сахар, кофе, железо. Иногда я оказывался в веселой компании лыжников — крестьянских парней, бежавших на какое-либо празднество или по делам в ближайший центр. Они всегда были налегке, в открытых пиджачках, и согревались энергичным движением. Я не поспевал за ними со своим тяжелым мешком, и парни, обменявшись со мною несколькими словами, уходили быстро вперед.

Затевая однажды пробег в сторону от дороги, я нагнал шедший по ней обоз и попросил одного из обозников довести мой мешок со всем содержимым до ближайшего постоялого двора и там сдать служащему на хранение до моего прихода. Мешок с вещами ушел вперед, я же повернул в сторону и быстро заскользил по малоезженной дороге. Спускаясь с горы, я вдруг услышал сзади окрик. Обернувшись, увидел настигавшего меня оленя и за оленем мальчика на лыжах, державшегося за поводья. Я сошел с дороги. Порывавшись со мною, мальчик остановился и предложил взять меня на буксир. Мальчику было бы трудно тащить меня, и за поводья взялся я, а мальчик прицепился ко мне. Олень рванул с места, и мы помчались, приседая и отчаянно балансируя на ухабах и поворотах, с которыми олень никогда не считался.

Несмотря на напряженность положения, мальчик без умолку мне что-то рассказывал о своей школе, об учителях и товарищах. Когда же я остановил оленя, чтобы отделаться от милого мальчугана и повернуть в сторону большой дороги — школьник очень сожалел, что я останусь не осведомленным «об очень многих интересных вещах».

Компас скоро вывел меня на большую дорогу. Недалеко от нее на полянке темнел хуторок. Я направился

к нему, чтобы узнать, не остался ли позади постоялый двор, в котором меня должен был ждать мешок с вещами.

Войдя в маленькое жилье, я застал хозяев его за столом. С большим аппетитом закусывали они чем-то вроде кровяных колбас в сале. Я поздоровался и спросил о постоялом дворе, назвав селение, в котором он находился. Узнав, что постоялый двор находится впереди, я собрался уходить, но хозяин, смуглый и черноволосый финн, совсем еще молодой, выразительным жестом пригласил меня к столу. Я охотно согласился. Тогда финн подмигнул своей молоденькой хозяйке, и она, не скупясь, с очаровательной улыбкой наложила мне колбас и щедро залила их жиром.

Для оживленной беседы было недостаточно моего запаса слов и фраз, и мы уплетали молча. Впрочем, молодые хозяева разговаривали по-своему. Они взглядывали друг на друга, и лица их тотчас же озарялись улыбками. Затем они — немного смущенно — улыбались и мне, словно выражая сожаление, что я лишен их счастья. Я охотно отвечал хозяевам полными сочувствия улыбками...

Пиршество было окончено, и я поднялся чтобы уходить. Предложенные мною деньги хозяин решительно отказался взять, и мы расстались, крепко потрясав друг друга руки. Подкрепившись и отдохнув, я без труда достиг постоялого двора, где меня уже ждал мешок с вещами.

* * *

Любо-дорого выйти в путь рано утром. На небе еще серебрятся звезды. От трескучего мороза снег скрипит под лыжами, и нос требует к себе постоянного внимания — иначе сразу замерзнет. Я с бодрым ожиданием поглядываю на восток. Там, за дремлющими соснами, небо светлеет, крепче и крепче наливаясь розовым сиянием. В этом сиянии одна за другою плавают звезды. Непобедимо разливается по востоку прозрачная алая заря и выносит из-за лесов торжественное радостное солнце. Снега и сосны цветут меж синих теней радужными огнями.

Солнце поднимается, слабеет мороз. Мартовский день разгуливается на-диво. Темно-зеленые леса купаются в синеве и золоте неба и в белизне снега. К полудню глаза с трудом выдерживают ослепительный блеск этой белизны, и я сворачиваю отдохнуть в лес. Найдя удобное для сидения поваленное дерево, снимаю мешок и с удовольствием отдыхаю.

Кругом изумительно тихо. От бега и солнца мне жарко, и я расстегиваю куртку, снимаю шапку. Передо мною на конце еловой ветки искрится полновесная капля. Она медленно растёт и наконец мягко падает в пушистый снег. На месте оторвавшейся капли зарождается новая. Она растёт как и её предшественница и, сверкнув в солнечном луче, скрывается в снегу. Вечером наверно подморозит, и с этой еловой ветки устремится к земле прозрачная ледяная иглолка — застывшая слеза умирающей зимы. Весна идет...

* * *

«Добегу, добегу, добегу...» — не устает утверждать вагон, в котором я сижу. Успокоенный его твердой речью, я беззаботно вспоминаю не-

давние дни — леса в пышных снегах, играющих отблесками северного сияния, сверкание звезд морозным вечером, прихотливую полоску дороги, иногда пустынную и тихую, иногда всю заполненную белыми вихрями метели.

Минуты напряжения сил и изнурения, минуты отдыха в тесном кругу елей, у костра — все это отложилось в крови, в костях, в мышцах рвущейся к работе силой.

Часть моего сердца осталась в лесах севера, но и от лесов севера я увез с собою никогда не ослабевающий живительный аромат, всегда родные и согревающие образы.

И думалось — как мы еще мало и плохо радуемся. И... как мало еще в нашей стране лыжников... В нашей стране — где такая щедрая, могучая зима.

страция картин перед тунгусами — чрезвычайно любопытное зрелище. Первый сеанс был полон неожиданностей. Лишь только на экране замелькали первые кадры, как тунгусы повскакали со своих мест и в ужасе разбежались, приняв людей на экране за духов. Большого труда стоило уговорить их вернуться, но и после этого было немало курьезов. Появившегося на экране оленя они приняли за живого и хотели его зарканить, бросив в экран ременную петлю, а появление уставленного бутылками стола, едва не кончилось катастрофой: с криками «арака!» простодушные зрители бросились вперед и едва не разорвали полотно. Купцы царского времени так приучили к «огненной воде» лесных людей, что они до сих пор не могут равнодушно видеть бутылки.

Но в этот вечер кино-сеанс протекал более спокойно — для большинства он уже не являлся новостью. Лишь новички, приехавшие с шаманом, боязливо попятнулись, когда с экрана прямо на зрительный зал поскакали олени. Шаман и тут сохранил внешнюю невозмутимость. В темноте трудно было следить за выражением его глаз, но фигура и лицо были неподвижны, словно высечены из камня. Он хорошо владел собой.

Шла картина из городской жизни. Огромные дома, толпы людей, трамваи, поезда, — все это мелькало на экране одно за другим. Поджав под себя ноги, тунгусы сидели тихо и чинно. Подобные картины, между прочим, не производят на аваньков особенного впечатления: лесные люди их не понимают. Но вот картина меняется, на экране появляется лес.

Внимание зрителей немедленно повышается.

Это была картина из охотничьей жизни, и аваньки смотрели ее с захватывающим интересом. Зимняя тайга, охотники, собаки... Под коря-

гой небольшое, опущенное инометом отверстие, — берлога амикана. Охотники рубят ель и просовывают вершину в берлогу, чтобы заставить зверя выйти наружу. А вот и он — хозяин таежных дебрей. Сначала показывается голова, затем он вылезает весь. В звере пока нет ничего страшного — он не успел еще очухаться от сладкого сна. Присев около берлоги, амикан сонно отмахивается лапой от наседающих собак. Но вот одной из лаек удается уку-

ШАМАН И КИНО

Тунгусский рассказ Ал. Смирнова

Я был немного разочарован. Сухенький старичок с заурядным скуластым лицом совсем не соответствовал тому представлению, какое сложилось у меня после слышанных о нем рассказов. Единственное, что в этом человеке останавливало на себе внимание, это отсутствие левого уха — давнишний след не совсем удачной схватки с медведем. Но, полуприкрытый лисьей шапкой, этот дефект также был мало заметен.

Рассказывали же про этого старичка многое: будто бы он умел вылетать из чума через дымовое отверстие, заставлял кипеть без огня холодную воду, заговаривал любую рану, будущее предсказывал, как будто читал раскрытую книгу, — и многое другое в этом роде. Словом, он считался самым сильным шаманом по всему бассейну Нижней Тунгуски. И вот в один прекрасный день безухий колдун явился к нам на культбазу.

Обычно, когда тунгусы в первый раз попадают на культбазу, они на некоторое время теряют дар речи и способность что-либо соображать — так их поражают «чудеса деревянных чумов». Но не так было с этим шаманом. Знакомясь с культбазой, он не выказывал ни малейшего удивления, словно все это было для него хорошо знакомо и ничего замечательного он не ожидал здесь встретить. В то же время он ничего не упустил из вида: побывал в больнице, где на кроватях с белоснежными

простынями лежали его больные сородичи, осмотрел ванную комнату, прозванную тунгусами «мерой воды», повертел в руках водяной термометр, понюхал несколько банок с лекарствами, а под конец попытался даже проникнуть в изоляционную камеру, где обкуривались чесоточные олени. В этом, однако, ему было отказано, так как камера в этот момент была наполнена дезинфицирующим газом.

Но этим не исчерпывался ассортимент «чудес», перед которыми лесные люди в изумлении раскрывают рты, — вечером должен был состояться сеанс кинопередвижки. Демон-

Преследуя охотника, медведь идет прямо на зрителя.

сидеть медведя за ляжку, и это выводит его из сонного состояния. Сделав неуклюжий скачок за собакой, медведь вдруг останавливается — он видит перед собой человека...

Среди зрителей — напряженная тишина. Наступает решающий момент.

Некоторое время амикан стоит неподвижно, словно оценивая положение. От благодушно сонного вида не осталось и следа — зверь полон свирепой ярости. Охотник отступает и исчезает с экрана, а медведь поднимается на задние лапы и устремляется вперед. Преследуя охотника, он идет прямо на зрителя. Пасть широко открыта, маленькие глазки полны злобы. Ближе, ближе... Сейчас, кажется, рассвирепевший зверь сойдет с полотна и ворвется в зрительный зал.

Шаман сидел в первом ряду от экрана. Уже увидев берлогу, он начал проявлять некоторое беспокойство, а по мере того, как развертывалась картина, это беспокойство приняло вполне определенный характер. Шаман ёрзал на месте, оглядываясь по сторонам и выказывая явную

тенденцию отодвинуться подальше. И вот, когда зверь, заняв собой весь экран, готовился, казалось, прыгнуть на первый ряд, громкий крик «агыты!» прорезал напряженную тишину. Шаман сорвался с места и, прыгая через сидевших позади него людей, бросился наутек...

Это произошло так быстро, что тунгусы не сразу поняли в чем дело. Поднялась суматоха, некоторые схватились за ружья. Но когда дело выяснилось, смеху и остротам не было конца. Выяснилась и причина неожиданного поведения всемогущего колдуна: оказывается он не чужд был и человеческим слабостям... Слабость эта заключалась в том, что после давнишней неудачной схватки с медведем, стоившей шаману левого уха, он смертельно боялся этого страшного зверя.

— Шаман испугался, что амикан съест у него второе ухо, — острили по этому поводу тунгусы.

После этого шамана на культбазе мы больше не видели. Как потом передавали, он на второй же день после злосчастного кино-сеанса откопал куда-то на север.

Лыжник с головой проваливается в занесенный снегом овражек, подымая облака снега. Но это не опасно. Всего несколько минут нужно для того, чтобы разобрать постройку, отряхнуть снег, успокоить лошадь, — а затем снова лететь вдогонку за ушедшими далеко вперед товарищами.

Но вот пробег закончен. Лошадь расседлана, убрана сбруя. Физкультурники с веселым хохотом вспоминают переживания и «катастрофы» минувшего дня. Переживания эти настолько увлекательны, а «катастрофы» в большинстве случаев так смешотворны, что число поклонников конно-лыжного спорта растет буквально с каждым днем. Рабочая молодежь, юноши и девушки, взявшись за постройку, на целый день уезжают далеко за город — и получают там великолепную зарядку на всю трудовую неделю.

Конно-лыжный спорт — один из лучших видов физкультуры, воспитывающей новые кадры здоровых людей. Свою задачу — укрепить волю и тело для переключения их на производство — он выполняет блестяще. А задачу эту, в условиях военизации населения, надо признать исключительно важной и ответственной.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

Марки гражданской войны.

Перелистывая альбомы с марками периода гражданской войны, мы видим, что они являются немymi свидетелями бесконечных правительств, возникавших в разных местностях нашей необъятной территории. Систематизированные коллекции марок дают возможность представить себе грандиозную картину небывалой в истории героической борьбы пролетариата за свою диктатуру.

Кто только не выпускал марок в период гражданской войны! Вот марки, вышедшие при Донском временном правительстве (атаманы Каледин и Краснов): на марках старого царского образца ставились надпечатки (рис. 2). Кубанское краевое правительство (генералы Алексеев и Корнилов) поступило таким же образом (рис. 3). Правительство Крыма (генералы Сулькевич и барон Врангель) не ограничилось простой надпечаткой (рис. 4), а выпустило также и оригинальную марку, в качестве простого денежного знака, как об этом упоминается на ее обороте (рис. 20).

В декабре 1919 года было создано особое положение об управлении всеми областями, занимаемыми белогвардейскими армиями на юге России, по которому вся полнота власти сосредоточивалась в руках их главного командования; при нем находилось так называемое «особое совещание» из представителей наиболее знатной аристократии и наиболее богатой и влиятельной русской и иностранной буржуазии; военным диктатором и председателем этого «совещания» являлся главнокомандующий армиями — первое время генерал Деникин, а позднее — сменивший его барон Врангель.

В угоду националистически настроенному генералитету и монархическим элементам населения главным командо-

КОННО-ЛЫЖНЫЙ СПОРТ

Очерк Ю. Бугельского

Ослепительно белым снегом покрыта земля. По запущенному снегом речному льду, по проселочным дорогам карьером мчатся всадники. За каждым из них, держась за длинные ремни и слегка расставив ноги, весь занесенный снегом летит лыжник.

Это — новый вид спорта, начинающий завоевывать права гражданства в системе советской физической культуры. Родина его — Скандинавия, необозримые снежные просторы Швеции, Норвегии и Финляндии. В годы гражданской войны, когда Красной армии пришлось столкнуться с конно-лыжными отрядами белофинских банд, значение этого спорта было оценено по достоинству. Теперь не только Красная армия, но и целый ряд общественных организаций культивируют конно-лыжный спорт наряду с другими видами физкультуры.

Основная ценность конно-лыжного спорта — в укреплении обороноспособности страны. Но этим не исчерпывается его значение. Конно-лыжный спорт укрепляет нервно-мышечный аппарат физкультурника, вырабатывает волю и смелость, приучает к ориентировке, умение в нужный момент мгновенно принять то или иное решение и тотчас же привести его в исполнение.

Конно-лыжный спорт развивает чувства коллективизма, товарищества. Всадник и лыжник во время скачки сливаются в одно целое. Крутой поворот всадник делает с таким расчетом, чтобы не свалить с ног лыжника, а лыжник старается повернуть возможно быстрее и чище, чтобы не сбить товарища с темпа и не остановить бешеной скач-

ки вперед. Поэтому, начиная скачку, участники конно-лыжного пробега предельно тщательно обсуждают маршрут, учитывая длину дистанции, количество и характер труднопроходимых и крутых поворотов, подъемов, уклонов и других препятствий.

Важнейшее условие — точно договориться о языке сигналов, которыми переговариваются всадник с лыжником. Надо обладать легкими слона и ослиной глоткой, чтобы перекричать встречный ветер. Услышать сквозь кожаный шлем то, что кричит товарищ, тоже нелегко. Зрение лыжника должно быть все время на чеку. Вот его товарищ поднимает вверх руку. Значит — остановка, и лыжник тормозит, сильно откидываясь назад, соединяя концы лыж под углом и ставя их на внутреннее ребро (так называемый «плуг»). О повороте направо сигнализирует отведенная в сторону правая рука, и т. д.

Лыжник плохо видит путь — крупный коня и тучи снежной пыли застилают ему зрение. Поэтому все внимание его обращено на всадника. Иногда бывает, что при повороте замечтавшийся всадник не подает сигнала. Тогда лыжник, сделав почти акробатический прыжок, на полном ходу меняет направление. Случается и так: лошадь испугавшись чего-нибудь, внезапно шарахается в сторону или встает на дыбы. Тогда еще сильнеегибаются колени лыжника и еще крепче врезаются в снег лыжи. Лыжник тормозит.

Безмятежная снежная гладь таит порою под собою весьма предательские неожиданности. Нередко и всадник и

ванием белых армий был выброшен лозунг: «Единая, великая и неделимая Россия». Белогвардейские генералы, как известно, намеревались взять Москву. На рис. 5 и 15 — марки главного командования

на юге России. Для Особого корпуса северной армии (ОКСА) генерала Юденича, пытавшегося в свою очередь захватить Пет-

роград, были выпущены специальные марки (рис. 6 и 7); изображенные на них угольник и крест представляют собою значок этого корпуса, разгромленного Красной армией.

При адмирале Колчаке, объявившем себя «верховным правителем всей России» и признанном таковым всеми союзниками, были произведены надпечатки на старых русских марках (рис. 8).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

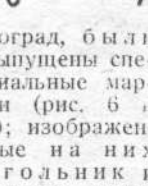

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

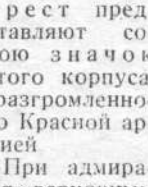

Рис. 28

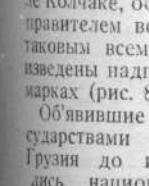

Рис. 29

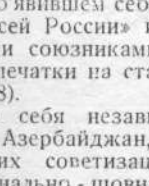

Рис. 30

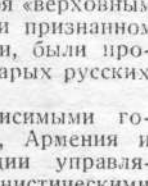

Рис. 31

роград, были выпущены специальные марки (рис. 6 и 7); изображенные на них угольник и крест представляют собою значок этого корпуса, разгромленного Красной армией.

При адмирале Колчаке, объявившем себя «верховным правителем всей России» и признанном таковым всеми союзниками, были произведены надпечатки на старых русских марках (рис. 8).

Объявившие себя независимыми государствами Азербайджан, Армения и Грузия до их советизации управлялись национально-шовинистическими

правительствами, возглавляемыми партиями: муссаватом в Азербайджане (рис. 1 и 14), дашнакцутянами в Армении (рис. 10) и меньшевиками в Грузии (рис. 9 и 16).

В декабре 1928 года в Батумскую бухту торжественно влетел английский миноносец, и с того времени по июнь следующего года Батумская область (ныне Аджаристан) была оккупирована англичанами. В этот период вышли специальные марки, на которых видим надпечатку на английском языке: «Британская оккупация» (рис. 19); такую

же надпечатку встречаем и на ряде марок старого образца.

Украинская народная республика (Центральная рада) выпустила в 1918 году оригинальную серию марок (рис. 17 и 18). При гетмане Скоропадском, так блестяще оправдавшем свою фамилию, на старых русских марках производились надпечатки украинского герба (трезубца), при чем гербы были различные, как это видно из рис. 11 и 12. На рис. 13 — марка оригинального образца, выпущенная городом Чितой.

Это конечно далеко не полный перечень марок периода гражданской войны. Перед советскими филателистами встает интересная задача: розыск новых, еще неизвестных марок, выпущенных в это смутное время.

А. Ч.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ДОЛИНА СМЕРТИ.

В горах Явы есть зловещий уголок. Это глубокая тесная долина, одну из стен которой образует вулкан Пенендайя. Ее географическое название — долина Упас, но среди туземцев она известна как «Долина злых духов, убивающих все живое».

— Будь умником, — говорит яванка расшалившемуся ребенку, — а нето духи утащат тебя в долину гибели и сожрут.

За последние тридцать лет не зарегистрировано ни одной человеческой жертвы, но еще в конце прошлого столетия нередко были случаи гибели пут-

ников, случайно забредших в долину. Сотни птиц и зверей ежегодно гибнут в ее жутких недрах.

Однако всевидящее око науки проникло и в эту горную щель. Точно установлен характер населяющих долину ненасытных «духов»: это отравленное дыхание вулкана Пенендайя. Дно долины изрезано глубокими трещинами, сквозь которые выделяется ядовитый углекислый газ. На открытых местах этот газ не опасен, так как быстро рассеивается в атмосфере. Но в тесном горле долины он задерживается, скопывается и сидит по дну пеленой смерти. Как только живое существо попадает в долину, его схватывает удущье, в глазах мутится, ноги подкашиваются, оно падает на землю и через несколько минут умирает в страшных мучениях...

Не так давно долина Упас была тщательно исследована голландской научной экспедицией. Ученые проникли туда в противогазных масках. Глазам их представилось жуткое зрелище. Голые выжженные камни, серый щебень, ни травинки, ни листика. Там и сям желтеют скорченные скелеты животных и людей. Гигантский костяк слона и рядом крохотный остов полевой мыши. Разлагающиеся грузные трупы тапиров, носорогов, медведей, оленей, кабанов и легкие тельца птиц. Огромное кладбище, водливное царство смерти...

Е. Б.

КИТАЙЦЫ И ТАБАК.

Табак впервые появился в Китае в начале XVII века. Его привезли китайские купцы с Филиппинских островов, куда он был занесен испанцами, перенявшими курение у американских индейцев.

Вскоре после своего появления табак был запрещен императорским указом. Всякому, кого уличали в тайной торговле табаком, отрубали голову.

Однако свирепый указ не привился. Аристократия и средний класс так пленились табаком, что не пожелали с ним расстаться, несмотря на громы и молнии «сына неба». При продажности китайского чиновничества ничего не стоило обходить закон.

В XVII веке табак быстро распространяется по всей Азии. Его начинают усильно возделывать и в Китае, и в Японии, и в Тибете, и в других странах. Только одно азиатское племя — ями — устояло перед нашествием заморского зелья. Это племя насчитывает лишь около 1.700 человек и обитает на небольшом острове из группы Бату, недалеко от берегов Суматры. И до сих пор на острове нельзя найти ни крупинки табаку. Туземцы досмерти его боятся, считая смертоносным даром злых духов.

Европейские путешественники, посетившие Азию в XVII веке, описывают яркими красками победоносное шествие табака по великому азиатскому материку. Это было какое-то коллективное безумие. Мужчины, женщины и дети жадно накидывались на новый наркотик и накуривались до потери сознания.

В Китае табак стал известен под именем «курительной травы», «курительного цветка» или даже «курительного вина». Нюхание табаку тоже быстро вошло в моду и называлось «носовым курением». Говоря о курении, китаец вы-

ражается так: «Я вдыхаю табак», или: «Я его ем», или же: «Я всасываю его». Японец же и тибетец обязательно скажут: «Я пью табак».

Е. Б.

«АД» НА СЛУЖБЕ У ТЕХНИКИ.

Ученые различных стран весьма озабочены дальнейшей судьбой человечества. По их словам старушка-Земля истощается. Их беспокоит вопрос о том, удастся ли открыть новые источники энергии, прежде чем нефтяные фонтаны перестанут бить и залежи каменного угля будут окончательно использованы.

Однако, как это часто бывает, и в данном случае практика опередила теорию. И теперь можно смело утверждать, что нет оснований беспокоиться о будущем человечества. Как известно, на глубине всего нескольких километров под нашими ногами бушует неугасимое пламя «преисподней». В раскаленном ядре Земли — неисчерпаемый источник энергии. И достаточно будет использовать лишь малую долю этих естественных сил, для того чтобы осуществить самые дерзкие мечты современной техники.

Конечно, идея использовать гигантский аккумулятор внутриземной энергии может показаться на первый взгляд фантастической, и тем не менее начин в этом направлении уже сделан!

Близ города Лордерелло, в Тоскане, среди голых пустынных холмов лежит мрачная долина, не без оснований прозванная «Долиной Ада». Круглый год она застлана душным пологом горячих испарений, поднимающихся из трещин в земле. Окрестные крестьяне считали эту долину входом в преисподнюю и далеко обходили ее.

Однако за последнее время в «Долине Ада» произошли разительные перемены. Под покровом низко стелющихся паров возник целый городок фабрик, заводов и мастерских. В раскаленной почве человек просверлил глубокие буровые скважины и закачал вырывающихся из них с ужасающим ревом подземных «духов».

И теперь «преисподняя» приводит в движение фабрики и добросовестно снабжает города Тосканы электрической энергией.

Е. Б.

НАСЕКОМЫЕ — ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА.

В заграничных фильмах четвероногие актеры — самое обычное явление. Некоторые из них пожалуй не менее популярны, чем Мэри Пикфорд или Конрад Вейдт. Но в последнее время все чаще выступают на экране многоногие актеры. Кудесник-кино сумел поймать и зафиксировать казалось бы неумовимые движения самых быстрых в мире существ — насекомых. На экране можно подсмотреть домашнюю жизнь моли, муравьев за утренним туалетом, поединки майских жуков пауков, пожирающих

друг друга от любви, сверчков-музыкантов.

Каким же образом удастся заснять насекомых? Ведь не будут же они спокойно разгуливать перед камерой; ясно, что при приближении человека со стрекочущим аппаратом они не замедлят удрать.

Для того чтобы сделать крохотных многоногих актеров послушными, существуют различные способы. Кинорежиссер Гергенс, специализировавшийся на съемке насекомых, проделал следующие опыты с молью. Перед аппаратом повесили шубу, кишевшую молью. Но едва первые лучи рефлектора тронули шубу, как началось паническое бегство полчищ насекомых. Они покидали освещенные места, спеша забиться в темные пещеры рукавов, в неосвещенные швы и под воротник. Дело в том, что моль привыкла работать в полной темноте и, как многие другие паразиты, страдает светобоязнью.

Однако Гергенс вышел из положения. Прежде чем опять осветить шубу, он вспрыснул ее в нескольких местах хлороформом. Затем шуба была освещена. Насекомые обратились было в бегство по направлению к ближайшему шву, чтобы укрыться в нем как в траншее. Однако им не удалось далеко убежать. Хлороформ начал действовать. Движения их становились все более замедленными, вялыми. Кинооператору ничего не стоило заснять насекомых, «с прохладцей» вгрызающихся в сукно...

Подобным же образом были засняты и клопы во время очередного обеда. Их живым «блюдом» был захлороформированный хоре. Под действием одуряющего запаха клопы мигом забывали о своей светобоязни и «нажирались» до отвала, не смущаясь стрекотаньем и пристальным взглядом камеры.

Теперь о полете насекомых. Профессор физиологии Марей произвел ряд блестящих съемок летающих насекомых. Эти фильмы имели серьезное значение для изучения процесса полета насекомых.

Любопытен фильм из жизни пчел — «Пчела Майя», поставленный режиссером Юнгхаузом. Это целая драма, в которой каждая пчела-актриса исполняет законченную индивидуальную роль. Улья были приданы формы средневекового замка, пчелы заполнили его сотами, и получилось фантастически прекрасное сооружение. Весь улей был перенесен в киноателье. В драме играли роль и шмели. Как известно, три одновременно укуса шмеля могут убить человека. Во время съемок шмели летали на свободе. Поэтому режиссер и его помощники работали в шлемах, в толстых резиновых перчатках и в плотной прозодежде.

Постановка была крайне трудна. В фильме участвовали, кроме пчел, стрекоза Шнуки, сороконожка Иероним, майский жук Пенни, паук-крестовик Тэкла и другие крохотные «звезды». Насекомых не подвергали дрессировке, для того чтобы фильм не носил характера искусственности. Иной раз прихо-

дилось выжидать много часов, пока тот или иной актер исполнит нужное действие.

Любопытен также фильм «Что рассказывает блоха». Во время его постановки был следующий забавный пассаж. Актриса-блоха садится на руку спящего человека. Она должна укусить. Аппарат наставлен. Но, как назло, блоха и не думает «кушать» человека и с беззаботным видом уличного гуляки прохаживается по руке. Что делать? Но вот тоненькая серебряная проволочка обхватывает как арканом ее тельце и пригибает головку к человеческой коже. Хочешь-не хочешь, а надо кушать. И блоха на радость с'емщикам жадно насыщается человеческой кровью...

В другом фильме героями являются сверчки. На экране схвачены насекомые музыканты во время исполнения очередного «номера», любовные игры, кладка яиц. Пьедесталом для кузнечика-музыканта служит камешек: ножки исполнителя должны быть на виду, ведь они-то и являются музыкальным инструментом. Но для того, чтобы артист заиграл, он должен вдохновиться присутствием самки. Достаточно положить рядом препарированный трупик самки, как трубадур начинает свои песни. Движения его ножек и вся мимика так выразительны, что создается полная иллюзия уютной сверчковой мелодии...

Подобные фильмы представляют живой интерес и для ученых специалистов и для широких масс.

Е. Б.

15 ЧАСОВ СРЕДИ АКУЛ.

Итальянский пароход «Ляна» в Адриатическом заливе, в 50 км. от острова Перима подобрал плававшего в море мальчишка-подростка, делавшего рукой отчаянные знаки о помощи. Извлеченный из воды, он сразу впал в глубокий обморок.

Очнувшись, он рассказал, что ему 17 лет, фамилия его Шпити и что он служил на немецком пароходе, с которого, по неосторожности упал ночью в море, пытаясь поймать сидевшую на борту птицу. На пароходе никто не заметил его отсутствия и не слышал его криков о помощи. Он поплыл в том направлении, где по его мнению должен был находиться берег. Несколько пароходов в течение ночи прошли мимо, не заметив его. Когда рассвело, он увидел, что течением его относит в открытое море.

Нестерпимые мучения стал испытывать он от жары и жажды, когда возшло солнце. Он пытался прикрыть свою голову рубашкой, но последняя оказалась слишком узкой. Язык его стал как деревянный. Проплывавшие рыбы задевали его тело. Когда он замечал вблизи себя плавник акулы, которыми кишит залив, он начинал быстро работать руками и ногами, и акулы оставляли его без внимания. Крупные птицы пытались его клевать, и он едва отбивался от них.

Б. Вл.

**ПЕСНИ-МАССОВКИ
БОЙЦАМ ОСОБОЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
АРМИИ (ОДВА)**

1. «БОЕВАЯ», муз. Росляков-
да, сл. Безыменского, ц. 5 коп.

2. «НАС ПОБИТЬ, ПОБИТЬ
ХОТЕЛИ», муз. Титова,
сл. Д. Бедного, ц. 5 к.

3. «ОСОБАЯ ДАЛЬНЕВОС-
ТОЧНАЯ» муз. Красева,
сл. Аглицева, ц. 5 к.

Все песни для запевалы
с хором.

Стоимость можно высылать
вперед почтовыми марками.

Заказы адресовать: МО-
СКВА, Центр. Театральный
проспект, 7/В. МУЗТОРГ ЦТО
МОНО.

**САМОУЧИТЕЛЬ
ШИТЬЯ ОБУВИ**

полн. рук. как науч. сапожн.
ремеслу. Состав. Александров.
131 стр. 30 черт. Ц. 1 р. 25 к.

**ЭЛЕКТРОМОНТЕР-
ПРАКТИК**

руковод. для самообуч. и для мон-
теров. Сост. и ж. Шведер, 131 с.,
135 черт. Ц. 2 р. Выс. нал. плат.
Тружкоопин «Красная Заря», Ле-
нинград, пр. 25 Октября, 88/В.

**ПОСОБИЕ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ**

РЕШЕНИЯ алгебраич.
задач

к сборн. Шапошникова и Вальцева.
ч. I—2 р. 20 к.

ч. II, отд. XI—XII—1 р. 85 к.
ч. II, отд. XIII—XIV—1 р. 60 к.

Выс. налож. плат. Тружкоопин
«Красная Заря», Ленинград.
Просп. 25 Октября, 88/В.

**Необходимо в каждой семье.
КАК УХАЖИВАТЬ
ЗА БОЛЬНЫМ ДОМА**

Альбом А. Берлянд, около
200 наглядн. рисун., 80 стр.
объяснит. текста. Ц. 1 р. 35 к.

13 АБОРТОВ

Рассказы л-ра В. Здравомыс-
лова. «Каждая женщина дол-
жна ее прочитать» (из отава-
проф. Р. Киварского). Стр. 74,
ц. 35 коп. Высыл. наложн.
платеж. Госмедиатд Ленин-
град 14, просп. Володарского,
53-а, «Медкнига почтой».

Новая книга проф. Н. НАРДШЕВА

МАРГАРИН

Состав, способы изготовления
и санитарная оценка. 173 стр.
с рисун. ц. 2 р. 20 к. Высыл.
налож. плат. Госмедиатд
Ленинград 14, пр. Володар-
ского, 53-а, «Медкнига почтой».

**СЕКАРОВСКАЯ
ЖИДКОСТЬ.**

EXTRACTUM
TESTICULORUM

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
ПОПРАВЛЯЮЩАЯ ПО СПОСОБУ ЛЕЧЕБ. Д-РА СЕКАРОВА

ПОИ-
ОТСУТСТВИИ
В МЕСТНЫХ
АПТЕКАХ И
МАГАЗИНАХ
САНИТАРНОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
ВЫСЫЛАЕТ
НЕ МЕНЕЕ
2 ПАКЕТОВ
ПО ПОЛУЧЕНИИ
25% ЗАДАТКА

ПРЕЙСКУРАНТ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
БЕСПЛАТНО

ЛАБОРАТОРИЯ
КООПЕРАТИВА

Гален-Москва

МОСКВА
ВЫШЕСЛАДЦЕВ П.
А. К.

ЖЕМЧУГ французск. типа **БЕЛЫЙ, КРЕМ, РОЗОВЫЙ**

отличается от других подделок тем, что он
тяжеловесен, массивен, чья бытоя и не
отличается от настоящего. С серебряным
замком: 45 см.—7 р., 65 см.—10 р. Без
замка—100 см.—14 р., 130 см.—18 р.,
160 см.—20 р., 170 см.—24 р., 200 см.—30 р. Серьги
из жемчуга «КЕПТА» с сереб. замком—4 р. 65 к.
Упаковка, перес., страховка посылки беспл.
Выс. нал. плат. Имеется много бланков отп.
Ленинград 40, Пушкинская, 10, кв. 6. А. Штейн.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую, как новую, так и старую,
выс. налож. плат. в 3-дневн.
сроки. Магазины ВЦСПС—Мо-
сква, Куз. Мост, 20/В. Ката-
лог по физкультуре и бух-
галтерии выс. по получении
15 к. почт. марки.

**ГРАММОФОННЫЕ
ПЛАСТИНКИ**

ЭЛЕКТРА

НОВЫЕ
ЗАПИСИ

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
ПО ЦЕНЕ 1 руб. 20 коп. ШТУКА.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ,
ЯСНАЯ ПЕРЕДАЧА.**

Почтовые заказы выполняются
фабрикой «Музтреста» Памяти
1905 г. — ст. Апрелевка, Зап. ж. д.,
по получении всей стоимости.
Пересылка и упаковка за счет
заказчика налож. платежом.

Каталог и добавление высылают
ся за 35 к. почтовыми марками.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ на

**ВОКРУГ
СВЕТА**

В случае неполучения отдельных номеров и/или
данной подписчикам необходимо сообщить об этом
немедленно в Издательство и никак не позднее
получения следующего номера. В противном случае
Издательство в виду ограниченности тиражей
высылать издания по жалобе не сможет.

Издательство «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Август ФОРЕЛЬ

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Половая жизнь, половые заболева-
ния, сексуальная любовь. Болезни и
гигиена др. В 2-х томах с рисун.
465 стр. Цена 4 рубля.

ГИПНОЗ и его техника

Подробное учение о гипнозе, внуше-
нии и его техническое применение,
д-ра ЛЕВЕНФЕЛЬДА, 192 стр. Ц. 2 р.

Книги высылаются налож. плате-
жом Тружкоопин. «Красная Заря»,
Ленинград, просп. 25 Октября, 88/В.

ХУДОЖ. СЕРЬЕЗНО-УВЕЛИЧЕННЫЙ

ПОРТРЕТ

роскошно отделанный тушью,
исполняется слюбой приклад-
ной картошкой. Размер с пас-
порту: 7X34 см.—5 р., 32X40
—6 р. 50 к., 47X53—10 р.,
54X68—14 р., 70X80—18 р. Тон
серый (коричневый) на 20%
дороже, в красках—на 50%
дороже, для красок указать
цвет волос, глаз, платья. Зака-
зы выполняются через 12 дней
наложенным платежом, без
задатка. Карточка возвра-
щается.

Москва 15, Мишина ул. 46/с, кв. 1,
худож. мастерская Н. ЛОЖИНА

СВЫШЕ **1000** СТРАНИЦ
ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ОРИГИНАЛЬНЫХ РИСУНКОВ, ФОТО-
СНИМКОВ И ПР. ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО
УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦЕНЕ

Комплект литер.-обществ. и научн.-популяр.
иллюстриров. ежемесячника в красочной обложке

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

12 книг журнала за 1929 г.
за **4** руб.

В ЖУРНАЛАХ ОТПЕЧАТАНЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
Г. Алексеева, Дж. Алтаузен, Э. Вагрицкая, А. Безы-
менского, В. Бонч-Бруевич, С. Буданцева, И. Вол-
нова, Ф. Гладкова, В. Громова, Д. Бедного, А. Жаро-
ва, Еф. Зозули, И. Ильф, В. Катаева, Б. Кеелерман-
ша, Л. Леонова, Ю. Либедиского, Н. Логинова-Лесняка,
А. Луначарского, Н. Ляшко, М. Залка, П. Пизового,
Г. Никифорова, А. Новикова-Прибой, Ю. Олеса,
Н. Семашко, Г. Сокольников, Т. Велз, Т. Тассе,
Т. Ханси, П. Ширяева, А. Яковлева и мн. др.

Количество полных комплектов ограничено.
Выписавшие комплект могут получить за доплату в
1 рубль для переплетения комплекта изящно выпол-
ненную гранитоловую крышку с золотым тиснением.
Высылка заказной бандеролью с счет Издательства.
Заказы выполняются только по получении денег.

Издательство «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».
МОСКВА, Никольская, 10/2.

Всем подписчикам, подписавшим-
ся на «ВОКРУГ СВЕТА» и одно-
временно на «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕ-
ДОПЫТ» и внесшим до 1 января
1930 года полностью годовую под-
писную плату за оба журнала не-
посредственно в Издательство
или его отделения, разослана бес-
платная премия — книга Даниэля
Берсо «Рабы Конго».

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

**ОТДЕЛ
ПОЧТОВЫХ
ОТПРАВЛЕНИЙ**

Издательства
«Земля и Фабрика»
Тверская, 26/В.

**В 2 ДНЯ
ВЫСЫЛАЕТ
ЛЮБУЮ
КНИГУ**

ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ,
ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ И МУЗЫКЕ.

Заказы выполняются При высылке стоимости
только по получении заказа вперед ПЕРЕ-
задатка в размере 25% стоимости заказа. СЫЛКА БЕСПЛАТНО.

Вниманию подписчиков!

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

**ВОКРУГ
СВЕТА**

РАЗОСЛАНЫ:

«ВОКРУГ СВЕТА» №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Прило-
жение сочин. ЖЮЛИЯ ВЕРНА книги 1-ая и 2-ая.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» №№ 1 и 2. Прило-
жения: «ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ» №№ 1 и 2
и сочин. Г. УЭЛЛЕСА книга 1-ая.

Отдел периодич. издан. Гос. Акц. Издат. О-ва
«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

К сведению анонсодателей. Тариф объявлений в журнале «Вокруг Света» устанавливается следующий:
1 страница — 1750 руб., 1 строка конпарели — 3 руб. Сверх тарифа — госналог 10%.

БИБЛИОТЕКУ В 48 КН. МОГУТ СОСТАВИТЬ ЗА 15 Р.

все подписавшиеся на художественный литературно-общественный и научно-популярный журнал

30 Дней

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

I абонемент

Журнал „30 Дней“ с приложением 6 книг Б. Келлермана и 6 книг „Библиотеки Советских Писателей“ на год—10 рублей.

12 книг журнала в красочной обложке

24 книги **В. Г. КОРОЛЕНКО**

6 книг „Библиотеки Советских Писателей“:
Гладков, Горбатов, Громов, Никифоров,
Новиков-Прибой и Фурманов.

6 книг **Б. КЕЛЛЕРМАНА**

„Туннель“, „Ингеборг“, „Братья Шелленберг“
и др.

II абонемент

Все перечисленное в I абонементе и 24 книги собр.
сочин. В. Г. КОРОЛЕНКО—на год—15 рублей.
Допускается подписка на сроки и годовая с рассрочкой платежа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Никольская, 10/2. Издательство „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“, а также в отделениях Издательства и ПОВСЕМИСТО на почте.

КНИГИ-ПОДАРКИ

ИЗД-ВА „АСАДЕМІА“

Даниэль Дефо

Жизнь и удивительные приключения

РОБИНЗОНА КРУЗО, моряка из Йорка,

прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб,

с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим.

Книга Даниэля Дефо „Робинзон Крузо“, вот уже два века пользующаяся небывалой популярностью у всех культурных народов,—произведение мирового значения.

Том I. Перевод с английского, с предисловием и многочисл. илл. 784 стр.—3р. Переплет—80к.

Мигель де Сервантес Сааведра

Хитроумный идальго

ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ

„Дон Кихот“ Сервантеса—один из самых популярных памятников мировой литературы. Мало можно найти произведений, в которых так гармонично сочетались бы занимательность сюжета, острота мысли и совершенство стиля.

Том I. Перевод с испанского, со вступительными статьями и 67 иллюстрациями, 994 стр.—4 руб. 80 коп. Переплет—85 коп.

Заказы направлять: Москва, Тверская, 26, Торговому Отделу 3-го магазина Изд-ва „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.